№ 30. 24-го Іюля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора редакціи журнала «Родина» проситъ гг. московскихъ и провинціальныхъ подписчиковъ **при перемѣнѣ адреса** прилагать **старый адресъ**, по которому получался журналъ, и **28 коп.** почтовыми марками въ заказномъ письмѣ, а гг. с.-петербургскихъ подписчиковъ — тоже прилагать свой прежній адресъ и **25 коп.**

НА СКАЧКАХЪ. Послѣдній кругъ. Оригин. рисун. **В. Зауерлендера.**

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

XXVI.

ВЪ СЕНТЯБРѢ состоялась свадьба.

Для молодыхъ Анфиса Матвѣевна уступила почти весь второй этажъ особняка, оставивъ для себя только спальню и кабинетъ.

Женитьба внука на избранной ею дѣвушкѣ радовала старую купчиху; она вѣрила въ безошибочность своего выбора, считая, что молодой человѣкъ теперь вполнѣ обезпеченъ отъ всевозможныхъ соблазновъ въ родѣ того, которому онъ подвергся за границею.

— Послушай, Дуня, старуху,—учила она молодую женщину вскорѣ послѣ свадьбы,—любить-люби своего мужа, но вотъ мой завѣтъ: смотри за нимъ строго.

Молодая княгиня улыбнулась на это замѣчаніе бабушки, поблагодарила ее за него, но все-таки смѣло отвѣтила:

— Плохо вы, бабушка, знаете своего внука! это—такая натура, которая ради ласковаго слова все сдѣлаетъ, на все согласится; строгость, какъ вы выражаетесь, только повредитъ.

— Ахъ, скажу тебѣ я, голубка, молода ты еще! дай Богъ вамъ мирно прожить всю жизнь другъ съ другомъ, а все-жъ моимъ совѣтомъ не пренебрегай.

Не желая ссорить Арсенія съ бабушкой, Дуня не передала ему этого разговора.

Въ свою очередь, князь не нашелъ нужнымъ сообщить женѣ о своемъ романѣ съ Кончеттою. Слѣдуетъ отдать справедливость, онъ не разъ, еще будучи женихомъ, пробовалъ заговаривать о своей прежней жизни, но Дуня каждый разъ останавливала его:

— Къ чему мнѣ это знать, Арсюша? что было, то быльемъ порасло. Я люблю тебя такого, каковъ ты теперь; для чего мнѣ знать, какимъ ты былъ раньше?

Когда князь сообщилъ о подобномъ отвѣтѣ своей невѣсты Анфисѣ Матвѣевнѣ, она только замѣтила:

— Дуня вполнѣ справедливо разсуждаетъ, ей совсѣмъ не надо знать, чѣмъ ты былъ раньше; весь ея интересъ въ твоемъ настоящемъ.

Такимъ образомъ, любовное приключеніе Гостомыжскаго осталось неизвѣстнымъ его молодой женѣ. Точно такъ-же странными показались Дунѣ и слова бабушки о строгости къ мужу.

— Зачѣмъ мнѣ за нимъ слѣдить? разъ я люблю его, онъ меня такъ-же, какое-же недовѣріе можетъ существовать между нами?

Оставшійся съ замужествомъ дочери одинокимъ Семенъ Васильевичъ чуть-ли не ежедневно бывалъ на Васильевскомъ островѣ, но весь вечеръ проводилъ въ разговорахъ съ бабушкою, оставляя молодыхъ однихъ.

Сентябрь далеко не былъ такимъ привѣтливымъ и теплымъ, какъ августъ, но Ѳедоровъ все еще не переѣзжалъ въ городъ. Молодые любили пріѣзжать довольно часто къ нему на дачу. Здѣсь все имъ напоминало о зарожденіи и расцвѣтѣ ихъ любви и счастья. Какъ и прежде, бродили они рука объ руку въ густомъ саду дачи и строили планы своей будущей жизни.

Занятія въ конторѣ князь прекратилъ всего только на недѣлю, а затѣмъ, по взаимному желанію обѣихъ женщинъ, еще усерднѣе принялся за дѣло.

Молодая княгиня въ особенности уговаривала его продолжать заниматься дѣлами бабушкиной фирмы.

— Ты ихъ современемъ еще больше полюбишь, пристрастишься къ нимъ и они будутъ дороги тебѣ уже по той причинѣ, что они—твои собственныя.

— А наука?—нерѣшительно спросилъ Арсеній.

Дуня серьезно взглянула на него и отвѣтила:

— Ты достаточно изучилъ ее; если она тебя такъ тянетъ, испытай себя, проработай здѣсь годъ и тогда ты будешь въ состояніи опредѣлить, что тебя болѣе интересуетъ—наука или дѣло.

Бабушка вполнѣ соглашалась съ этимъ мнѣніемъ Дуни.

Князь снова старательно началъ работать въ конторѣ, изумляя своимъ усидчивымъ прилежаніемъ даже Елисея Петровича.

— Ретивы они къ работѣ,—говорилъ послѣдній Ухиной про Гостомыжскаго.

Старуха одобрительно качала головою и переводила разговоръ на другой предметъ.

Привязанность князя къ молодой женѣ разросталась, онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ нею къ нему въ сердце незамѣтно снова вошла любовь. Сравнивать эту любовь со вспышкой страсти, которую онъ испыталъ къ Кончеттѣ, ему казалось неблагороднымъ по отношенію къ Дунѣ; онъ сознавалъ, что любовь къ женѣ не носитъ того бурнаго характера, того стихійнаго захвата, которые онъ испыталъ въ своей связи съ итальянкою. Бѣшено стремящійся водопадъ превратился въ мирно струящуюся рѣку, вода въ которой была настолько чиста и прозрачна, что можно было любоваться дномъ безъ слѣдовъ какихъ-либо камней и пороговъ.

Сознаніе этого тихаго, безмятежнаго счастья мало-по-малу совсѣмъ вытѣснило изъ сердца Гостомыжскаго воспоминаніе о жгучихъ ласкахъ Кончетты. Вся эта первая жизненная гроза казалась ему чѣмъ-то далекимъ, давно минувшимъ, и слабохарактерный человѣкъ думалъ только о счастливомъ настоящемъ, да и будущее рисовалось ему въ розовыхъ краскахъ.

Незамѣтно миновала для молодыхъ долгая, скучная осень. Молодая женщина вполнѣ освоилась со своею новой жизнью; старая Ухина, еще раньше ее оцѣнившая, въ настоящее время любила Дуню не меньше своего внука. Князь совсѣмъ обсидѣлся дома, его не тянуло вечерами никуда; примѣру его слѣдовала и молодая княгиня, небольшая любительница выѣздовъ.

— Нѣтъ, Арсюша,—протестовала Анфиса Матвѣевна,—такъ нельзя, поѣзжай съ Дунюшкой въ театръ! Вы—люди молодые, повеселиться самая пора, а вы, точно старики, дома все сидите!

И молодые уѣзжали въ театръ, билеты куда заранѣе доставались заботливою старухою.

Несмотря на свою любовь къ музыкѣ, Гостомыжскій неохотно ѣздилъ въ оперу; пѣніе все-таки бередило его душу и онъ старался избѣгать его.

Драму любила и Евдокія Семеновна, а потому чаще всего они отправлялись въ Александринскій театръ. Ухину, несмотря на всѣ просьбы и упрашиванья съ ихъ стороны, не удалось ни раза залучить въ театръ.

— Стара стала, куда ужъ мнѣ по театрамъ путаться, впору Богу молиться!—часто отвѣчала она на настойчивыя приглашенія молодыхъ.

И она въ самомъ дѣлѣ молилась не мало. Иногда долго за полночь стояла она предъ образомъ на колѣнахъ, усердно молясь и беззвучно шепча губами молитву.

Однажды Евдокія Семеновна спустилась какъ-то въ контору и сказала князю:

— Покажи мнѣ, Арсюша, какъ дѣло ведется.

— Вотъ странное желаніе! къ чему это тебѣ?—

отвѣтилъ Арсеній, но, тѣмъ не менѣе, показалъ женѣ все, что самъ зналъ, а остальное разсказалъ ей Елисѣй Петровичъ.

— Наверху у меня дѣла почти никакого, безъ тебя одной мнѣ скучно, вотъ я и придумала отыскать себѣ занятіе въ вашей конторѣ, чтобы быть съ тобою вмѣстѣ и одновременно что-нибудь работать. Лѣниться меня отецъ съ самаго дѣтства не пріучалъ.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло для тебя здѣсь найдется, — польщенный желаніемъ жены быть вмѣстѣ съ нимъ, замѣтилъ князь.

На другой-же день Дуня сидѣла за сосѣднимъ съ мужемъ столомъ и такъ усердно записывала счетъ въ громадную книгу должниковъ, что казалось, будто эта работа составляетъ для нея насущный хлѣбъ.

XXVII.

Къ концу зимы бабушка узнала, что молодая княгиня въ „интересномъ положеніи“, и это извѣстіе несказанно обрадовало ее.

— Богъ приведетъ, правнука или правнучку увижу, — говорила она Ѳедорову, когда тотъ, несмотря на любовь къ дочери, услышавъ о ея беременности, не высказалъ особаго восторга.

— Дѣло самое обыденное, только больше заботъ прибавится, — говорилъ онъ тономъ человѣка, знакомаго со всѣми подобными положеніями и потому не предвидѣвшаго ничего хорошаго отъ этого.

— Не по-моему, другъ Семенъ Васильевичъ, Дунюшку ты любишь, точно она для тебя чужая.

Ѳедоровъ немного смутился укоромъ старухи.

Арсеній весь расцвѣлъ отъ мысли, что онъ будетъ отцомъ; онъ сознавалъ, что съ появленіемъ ребенка узы, связывающія его съ женою, затянутся еще крѣпче, еще плотнѣе.

Весь торговый домъ „Иванъ Ухинъ и сынъ“, точно сознавая важность ожидаемаго событія для его будущаго существованія и процвѣтанія, радовался. Всѣ служащіе его, не исключая даже дюжихъ и здоровыхъ батырей-ломовиковъ, привѣтливо улыбались, когда Дуня сидѣла на бабушкиной завѣтной террасѣ среди цвѣтущихъ камелій.

— Хорошій человѣкъ наша молодая хозяйка, — говорили между собою артельщики, взвѣшивая товаръ въ кладовыхъ, — никогда никого словомъ не обидитъ.

Въ особенности въ конторѣ, гдѣ она продолжала до сихъ поръ работать, несмотря на свою беременность, молодая княгиня пользовалась всеобщимъ обожаніемъ.

А еще недавно, когда она еще только стала тамъ заниматься, безмолвное недовольство старыхъ конторщиковъ и ихъ косые взгляды очень изумили молодую женщину; но она сумѣла обезоружить ихъ своею привѣтливостью и участіемъ къ каждому. По ея просьбѣ, почти всѣмъ служащимъ въ торговомъ домѣ, а изъ нихъ не мало было чуть-ли не всю жизнь проведшихъ въ дѣлѣ Ухиной, Анфиса Матвѣевна прибавила жалованья. Евдокія Семеновна вмѣстѣ съ Арсеніемъ уговорила также бабушку застраховать жизнь всѣхъ занимающихся въ дѣлѣ, чтобы обезпечить этимъ способомъ положеніе ихъ семей. Умная старуха сразу поняла пользу подобной страховки и охотно на нее согласилась.

— Ты, дѣйствительно, добрый геній этого дома, — сказалъ ей какъ-то князь. — Замѣть, какъ любятъ тебя всѣ эти люди!

Дуня признательно взглянула на мужа; ей была дорога его похвала.

— Я поступаю, какъ мнѣ подсказываетъ мое сердце, — просто отвѣтила она Арсенію, — Бабушки эти деньги не разорятъ, а рабочимъ людямъ это страхованіе даетъ больше увѣренности въ будущемъ ихъ семей; они могутъ спокойно работать, зная, что послѣднимъ обезпеченъ кусокъ хлѣба.

Однимъ словомъ, заботливость молодой княгини простиралась повсюду, все больше и больше завоевывая признательность и любовь служащихъ.

— Мы думали, Елисѣй Петровичъ, — говорилъ старшій бухгалтеръ довѣренному, — что съ водвореніемъ княгини въ конторѣ у насъ все пойдетъ подругому, людей уволятъ, другихъ на ихъ мѣста возьмутъ, а вышло иначе, лучше прежняго стало служить.

Старикъ довѣренный согласно кивалъ головою. Въ теченіе долгихъ лѣтъ службы сперва у самого Ухина, а затѣмъ и у его жены онъ превратился въ крайне точную исполнительную машину. Думала Анфиса Матвѣевна, а приводилъ въ исполненіе ея проэкты Елисѣй Петровичъ. Это были голова и рука, и, благодаря этому, громадное колесо торговаго дома все время катилось спокойно. Поговорка „одна голова хороша, а двѣ лучше“ едва-ли могла подойти въ этомъ случаѣ. Анфиса Матвѣевна съ несокрушаемой годами энергіей продолжала единовластно управлять всею фирмою. Несмотря на старанія молодого князя, не мало работавшаго въ дѣлахъ фирмы, старуха сразу оцѣнила всю его дѣятельность двумя только словами:

— Рухляватъ и несообразителенъ.

Но это не могло быть укоромъ для внука.

„Такимъ ужъ онъ родился, не передѣлаешь“, — съ сожалѣніемъ думала Ухина и еще внимательнѣе стала присматриваться къ Дунѣ.

Съ каждымъ днемъ она находила въ ней все больше и больше достоинствъ и однажды, придя къ себѣ въ спальню, стала предъ образомъ на колѣна и молитвенно произнесла:

— Благодарю Тебя, Господи! теперь я спокойна, послѣ моей смерти ни дѣло, ни Арсеній не пропадутъ. Дунюшка не хуже меня поведетъ дѣло и со всѣмъ управится.

И понемногу Ухина стала посвящать Евдокію Семеновну во всѣ тонкости коммерческихъ соображеній, стараясь, чтобы Арсеній не могъ обидѣться на жену и на нее за это предпочтеніе, и нашла въ молодой женщинѣ внимательную ученицу, слѣдившую съ большимъ вниманіемъ за всѣми указаніями старухи.

Наступило снова лѣто, но молодые не собирались на дачу. Дуня предпочитала оставаться около бабушки, тѣмъ болѣе, что и прекрасный садъ при домѣ отчасти замѣнялъ имъ дачу.

— Ко мнѣ пріѣзжайте, — приглашалъ ихъ Ѳедоровъ, несмотря на свое одиночество, перебравшійся попрежнему въ Лѣсной.

Гостомыжскій послѣ женитьбы совсѣмъ отсталъ отъ верховой ѣзды; зато каждый вечеръ онъ катался съ женою въ экипажѣ и они заѣзжали къ Семену Васильевичу.

Незамѣтно бѣжало время. Все попрежнему катилось ровно, спокойно. Жизнь Арсенія, подобно рѣкѣ, вошла въ свое русло послѣ бурнаго весенняго разлива; къ наукѣ его болѣе не тянуло, онъ удовольствовался своею работою въ близкомъ ему дѣлѣ, вырабатывая изъ себя трудолюбиваго конторскаго дѣятеля и незамѣтно окончательно подпадая подъ вліяніе бабушки и жены.

Арсеній не замѣчалъ своей несамостоятельности, и если-бы кто-нибудь сообщилъ ему объ этомъ, онъ былъ-бы страшно изумленъ подобнымъ мнѣніемъ и ни за что не повѣрилъ-бы ему.

Прошло лѣто и снова потянулась сѣрая слезливая осень.

Въ началѣ ноября у молодой княгини родился, къ великой радости Арсенія и бабушки, сынъ; назвали его Николаемъ. Рожденію его радовался вмѣстѣ съ ними и весь торговый домъ „Иванъ Ухинъ и сынъ“. Самой-же Анфисѣ Матвѣевнѣ можно было больше чѣмъ когда вѣрить, что ихъ прочно установившемуся семейному счастью не будетъ конца...

XXVIII.

— Его сіятельство почивать изволятъ, — докладывалъ камердинеръ Максимъ, несмотря на женитьбу князя попрежнему оставшійся служить у Гостомыжскаго.

Теперь подъ „его сіятельствомъ“ онъ разумѣлъ новорожденнаго, когда старуха Ухина, которую потѣшала та важность, съ какою говорилъ это Максимъ, спрашивала у него о ребенкѣ.

„Его сіятельство“, дѣйствительно, сдѣлался общимъ баловнемъ, объ его здоровьѣ справлялись положительно всѣ. Съ легкой руки Максима, иного имени, кромѣ этого, не было у ребенка.

Подобное отношеніе окружающихъ радовало молодую мать и въ особенности бабушку и льстило ихъ самолюбію. Старинный докторъ Ухиной, скорѣе близкій къ дому человѣкъ, чѣмъ посторонній, Карлъ Карловичъ Бирманъ, ежедневно навѣщалъ княгиню и ребенка. Сухощавый добродушный врачъ, неизмѣнно одѣтый во фракъ, былъ очень привязанъ къ семьѣ Ухиной.

— Славный малецъ, — успокаивалъ онъ Евдокію Семеновну, — посмотрите, какъ онъ ежедневно все прибываетъ въ вѣсѣ.

И докторъ осторожно бралъ на руку маленькаго князя.

— А вотъ вы мнѣ не нравитесь, — замѣтилъ онъ однажды, обращаясь къ молодой женщинѣ, — вы сильно худѣете, вамъ надо больше силъ. Посмотрите, какъ вы поблѣднѣли.

Дуня, дѣйствительно, сильно перемѣнилась послѣ родовъ; ея здоровье, далеко не изъ крѣпкихъ, было расшатано. Отвратительная зима того года, сырая, безснѣжная, какое-то безконечное продолженіе осени, еще усилила нездоровье княгини; она начала подозрительно кашлять, жаловалась на упадокъ силъ. Работать въ конторѣ ей было окончательно запрещено, и это очень удручало Евдокію Семеновну.

— Ахъ, скорѣе-бы весна наступила! — шептали ея блѣдныя губы, — скорѣе-бы тепло, я быстро поправилась-бы.

Анфиса Матвѣевна заботливо ухаживала за нею, чуть не каждый день разспрашивая доктора о состояніи ея здоровья.

— Мой совѣтъ, — съ первыми теплыми майскими днями отправить больную куда-нибудь за границу.

— А ребенокъ? она безъ него не поѣдетъ.

— Отправляйте и его съ нею вмѣстѣ.

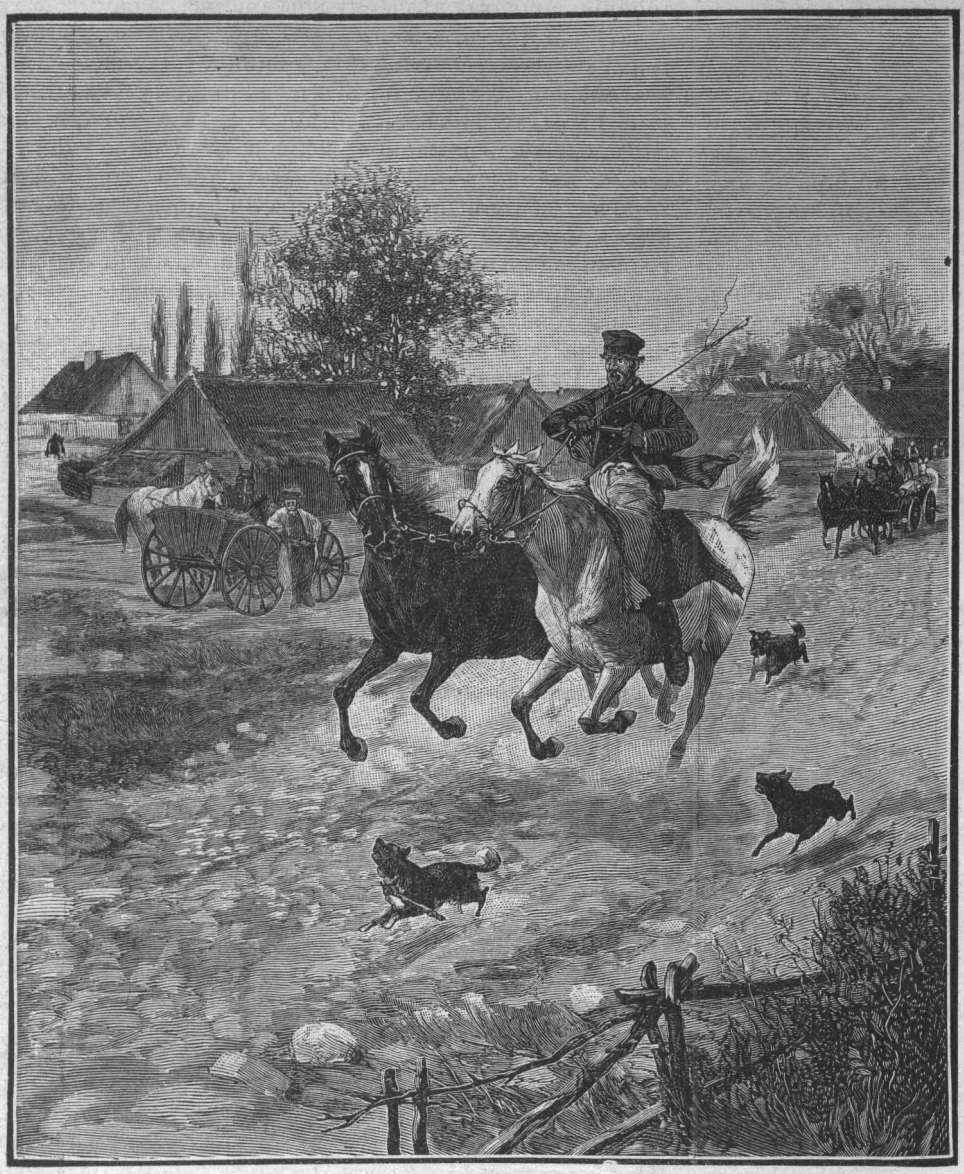
Старуха задумалась; она сознавала, что безъ мужа Дуня никуда не поѣдетъ, отъѣздъ-же послѣдняго снова взваливалъ на Анфису Матвѣевну всѣ заботы и хлопоты. Но другого исхода не было и она рѣшила подчиниться обстоятельствамъ, сказавъ себѣ:

— Что-жъ дѣлать, примусь снова сама за дѣло, пусть ѣдутъ вмѣстѣ.

И отъѣздъ за границу семьи Гостомыжскихъ былъ рѣшенъ.

Молодая женщина всѣми силами противилась этому рѣшенію, она привыкла къ дѣлу, къ этому муравейнику, который съ нѣкоторыхъ поръ ей сталъ роднымъ, дорогимъ; она ясно видѣла, что рано или поздно вся эта громадная забота упадетъ на нее, и сама сжилась съ этой мыслью, а потому оставить даже на время это сложное торговое колесо ей не хотѣлось. Въ своемъ мужѣ она видѣла одного изъ главныхъ работниковъ, но, какъ и бабушка, не считала возможнымъ поставить его во главѣ всего дѣла.

— Милая бабушка, я, право, не такъ плоха, чтобы



УДАЧНАЯ ПОКУПКА. Съ картины проф. **К. Вирушъ-Ковальскаго** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій**.

посылать меня за границу,—просила она Анфису Матвѣевну.—Я поправлюсь и здѣсь не хуже, чѣмъ тамъ.

Но Ухина была непреклонна; она понимала, что для Дуни эта поѣздка необходима.

— Отдохнешь, полечишься, вернешься домой, тогда и примешься снова за работу съ новыми силами. Сама посуди, каково больному человѣку съ дѣлами возиться.

Гостомыжская понимала справедливость словъ бабушки и невольно покорялась необходимости уѣхать.

Арсеній былъ послѣдній, узнавшій о предполагавшейся поѣздкѣ. Правда, онъ не особенно довольно улыбнулся, когда Ухина замѣтила ему, что и онъ долженъ ѣхать вмѣстѣ съ женою, но въ душѣ, однако, былъ доволенъ: разнообразіе поѣздки послѣ двухлѣтняго сидѣнія въ конторѣ ему улыбалось, тѣмъ болѣе, что онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ любимой женщиной.

— Я не особенно желалъ-бы ѣхать за границу, но, если это необходимо для здоровья Дуни, я готовъ...

— Поѣзжай дружокъ, ты тоже заработался, тебѣ необходимо отдохнуть,—повторила бабушка.

Начались сборы, но все-же уѣхать не пришлось раньше средины іюня, такъ какъ непредвидѣнныя задержки являлись чуть-ли не ежедневно.

— Смотри, Арсюша! Вотъ тебѣ мой завѣтъ: привези Дунюшку обратно здоровою, розовою,—полушутя, полусерьезно сказала Ухина, провожая ихъ на Варшавскую желѣзную дорогу.

— Я увѣрена, бабушка, что вы меня не узнаете, когда я вернусь обратно!—бодро отвѣтила молодая княгиня, цѣлуя бабушку.

Старуха согласно кивнула головой.

Гостомыжскіе уѣхали.

XXIX.

„Вы не можете себѣ представить, дорогая бабушка, какая скука царитъ у насъ здѣсь, во Франценсбадѣ,—писала Дуня старой Ухиной.—Арсеній просто не знаетъ, что только придумать, чтобы спастись отъ нея. Я предлагала ему вернуться домой къ вамъ, убѣждая его, что вдвоемъ съ прислугою я справлюсь и безъ него, но онъ ни за что не хочетъ оставить меня здѣсь одну и терпѣливо сноситъ невольную скуку. Коля нашъ выросъ; вы его, навѣрно, не узнаете, когда мы вернемся въ Петербургъ; но у него идутъ зубки и онъ безпокоится по ночамъ“.

Письмо оканчивалось припискою:

„По окончаніи курса здѣшняго леченія, докторъ посылаетъ меня для укрѣпленія на морскія купанья, рекомендуетъ Сѣверное море. Я еще не знаю, куда рѣшиться ѣхать, въ Шевенингенъ, въ Остенде или прямо... домой“.

Получивъ это письмо, Анфиса Матвѣевна немедленно отвѣтила Гостомыжской лаконической телеграммой:

„Непремѣнно поѣзжайте на море, въ Петербургъ еще успѣете“.

— Вотъ видишь, Дунюшка,—ласково проговорилъ князь,—я правъ, и бабушка совѣтуетъ тебѣ продолжать леченіе и ѣхать на море.

Противиться желанію Ухиной молодая женщина не рѣшилась. По окончаніи франценсбадскаго курса, семья Гостомыжскаго отправилась въ Остенде *).

Дальная дорога тяжело отозвалась на ребенкѣ и ради него Гостомыжскіе остановились на день-другой въ Брюсселѣ.

ЕРМАКЪ. Оригинальный рисунокъ **П Селиванова**; гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій**.

Снова предсталъ предъ княземъ городъ, гдѣ онъ познакомился въ первый разъ съ чувствомъ любви. Рука Арсенія дрожала, когда онъ усаживалъ жену съ ребенкомъ въ карету, и это замѣтила Дуня.

— Что это съ тобою?—заботливо спросила она мужа.

— Пустяки, я поднялъ чемоданъ, вотъ и все.

(Продолженіе будетъ).

*) Остенде—городъ въ бельгійской провинціи западной Фландріи, знаменитый великолѣпными морскими купаньями.

Послѣдняя встрѣча.

(Разсказъ изъ русско-японской войны.)

М. Ѳ. Караулова.

I.

Новый годъ, въ семьѣ Липецкихъ справлялся въ приподнятомъ настроеніи. Причиною того была помолвка дочери генерала Липецкаго, Антонины Платоновны, съ крутогорскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, камеръ-юнкеромъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Гулевичемъ. Поэтому наряду съ обычными поздравленіями съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, поздравляли также жениха и невѣсту, желая имъ «всего-всего лучшаго»...

И снова пѣнились бокалы, и все болѣе и болѣе оживлялись лица присутствовавшихъ.

Самъ старикъ Липецкій, Платонъ Семеновичъ, командовалъ въ послѣднюю нашу русско-турецкую войну кавалерійской бригадой, гдѣ-то отличился и вышелъ въ отставку, тотчасъ-же послѣ заключенія мира. Супруга его, Анна Васильевна, очень добрая женщина, всю свою жизнь вложила въ воспитаніе своей дочери Тони, т. е., Антонины Платоновны.

Что-же касается до жениха невѣсты, блестящаго камеръ-юнкера и крутогорскаго предводителя дворянства, то о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько лишнихъ словъ.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ очень дорогихъ гвардейскихъ полковъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, вскорѣ, пришелъ къ весьма логичному выводу, что такъ проводить время болѣе нельзя. Деньги были всѣ на исходѣ; имѣніе уже давно было заложено и перезаложено чуть-ли не въ третьи руки, и въ самомъ недалекомъ будущемъ Михаилу Ѳедоровичу неминуемо грозило полнѣйшее разореніе,—какъ вдругъ, совершенно неожиданно для него, какая-то старая двоюродная тетка, о существованіи которой онъ въ дѣтствѣ слышалъ только мелькомъ, умирая оставила Михаилу Ѳедоровичу очень большое и благоустроенное имѣніе въ одной изъ южныхъ черноземныхъ губерній.

Разорившійся гвардеецъ воспрянулъ духомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, принялъ весьма благоразумное рѣшеніе вернуться къ землѣ, или, говоря другими словами, выйти въ отставку и поселиться въ своемъ родномъ «Животинномъ».

Такимъ образомъ, Михаилъ Ѳедоровичъ очутился въ Крутогорскомъ уѣздѣ въ качествѣ прежняго богатаго помѣщика и, благодаря своему хлѣбосольству и старымъ связямъ, при первыхъ-же выборахъ попалъ въ предводители крутогорскаго дворянства, а затѣмъ весьма скоро получилъ и придворное званіе.

Черезъ годъ послѣ избранія Михаила Ѳедоровича крутогорскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, по сосѣдству съ нимъ поселилась на лѣто семья генерала Липецкаго. Здѣсь-то, въ глуши Крутогорскаго уѣзда, среди потонувшихъ въ зелени густолиственныхъ черешенъ и пирамидальныхъ тополей, и произошло первое знакомство отставного гвардейца съ Антониной Платоновной Липецкой.

Всю предыдущую зиму Гулевичъ прожилъ у себя въ «Животинномъ», изрѣдка только отлучаясь по дѣламъ «въ губернію».

Антонина-же Платоновна только въ этотъ сезонъ начала появляться въ петербургскомъ свѣтѣ, гдѣ на первыхъ-же порахъ вскружила головы многимъ представителямъ золотой молодежи. Липецкіе дали въ ту зиму нѣсколько баловъ, а раннею весною объявились въ «Рогожкахъ».

Трудно сказать, какъ произошло сближеніе Михаила Ѳедоровича съ Антониной Платоновной, но вскорѣ послѣ первой встрѣчи между ними установились самыя дружескія отношенія. Они вмѣстѣ катались верхомъ или въ шарабанѣ, удили рыбу или гуляли по старому, затихшему саду.

Старики Липецкіе были рады этому сближенію, такъ какъ считали Гулевича за весьма выгоднаго жениха.

II.

Прежде, нежели продолжать этотъ разсказъ, мы должны вернуться нѣсколько назадъ, ко времени пребыванія Михаила Ѳедоровича въ полку.

Молоденькая и хорошенькая балетная танцовщица Феля Кочковская близко сошлась съ красивымъ гвардейцемъ, но, какъ это часто случается въ балетномъ мірѣ, не только не требовала отъ него какихъ-нибудь чрезвычайныхъ расходовъ, а, можетъ быть, Михаилъ Ѳедоровичъ исключительно ей былъ обязанъ тѣмъ, что его «Животинное» не перешло въ чужія руки.

Эта балетная звѣздочка впослѣдствіи не разъ пріѣзжала провѣдать своего друга въ его одиночествѣ, но дѣлала это съ такимъ тактомъ, что въ Крутогорскѣ никто не зналъ объ этомъ романѣ.

Въ послѣдній разъ Кочковская пріѣзжала къ нему Великимъ постомъ, въ ту самую зиму, когда Антонина Платоновна въ первый разъ появилась на великосвѣтскихъ балахъ.

Когда Михаилъ Ѳедоровичъ написалъ своей Фелѣ, послѣ ея отъѣзда, что по сосѣдству съ его «Животиннымъ» на все лѣто ожидается семья Липецкихъ и что, по слухамъ, у старика-генерала дочь-красавица, — Феликса Казиміровна чуткимъ женскимъ сердцемъ поняла, что ей грозитъ опасность, такъ какъ въ деревнѣ люди всегда легче сближаются. Но, вѣдь, она сама никогда не расчитывала выйти замужъ за Михаила Ѳедоровича и хорошо понимала, что, рано или поздно, имъ придется разстаться.

Михаилъ Ѳедоровичъ расчитывалъ, что и это лѣто Феликса Казиміровна проведетъ, по обыкновенію, въ его старой усадьбѣ, хотя вскорѣ послѣ пріѣзда Липецкихъ сталъ тяготиться мыслью объ этомъ пріѣздѣ.

Словно предугадывая то, что происходитъ въ его душѣ, Феликса Казиміровна увѣдомила его, что въ настоящее время пріѣхать въ «Животинное» не можетъ, такъ какъ занята лѣтомъ въ Красномъ Селѣ, и расчитываетъ провести лѣто въ Сергіевѣ.

Получивъ письмо, Михаилъ Ѳедоровичъ, къ великому своему удивленію, почувствовалъ, что у него какъ-будто отлегло отъ сердца, что до этого извѣстія онъ опасался чего-то, чего-то не желалъ, что-то тревожило его мозгъ. Тутъ въ первый разъ онъ задалъ себѣ вопросъ: что это за дружба установилась между нимъ и его хорошенькой сосѣдкой и чѣмъ она завершится? Если узами Гименея, то какъ ему оставить Феликсу Казиміровну, такъ безкорыстно его любящую и отдавшую ему свои лучшіе годы?

III.

Время летитъ быстро, а для влюбленныхъ и подавно! Не успѣла еще Тоня совмѣстно съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ вдосталь наслушаться пѣнья соловья, какъ къ югу вереницами потянулись грачи, въ лѣсу зарумянились густолиственные клены и заалѣли гроздья рябины, прохваченные первымъ утренникомъ.

Липецкіе стали собираться обратно въ Петербургъ и настойчиво совѣтывали Михаилу Ѳедоровичу пріѣхать туда-же, хотя-бы на рождественскіе праздники.

Когда Гулевичъ пріѣхалъ провожать ихъ на ближайшую желѣзнодорожную станцію и Липецкіе заняли купэ, то Тоня, вскинувъ на него свои лучистые темно-сѣрые глаза, многозначительно проговорила:

— Такъ, не правда-ли, до скораго свиданья?

Что оставалось ему дѣлать, какъ не обѣщать хорошенькой дѣвушкѣ при первой-же возможности пріѣхать на берега Невы?

Раздался третій звонокъ, поѣздъ тронулся, но Михаилъ Ѳедоровичъ долго еще оставался на платформѣ, пока Тоня не перестала махать ему изъ окна вагона платкомъ.

Грустнымъ вернулся онъ въ свое «Животинное» и, просматривая у себя въ кабинетѣ пришедшіе съ почтою журналы и газеты, въ первый разъ въ жизни рѣшительно не могъ понять, о чемъ тамъ пишутъ. Мысли его неслись вслѣдъ уходящему поѣзду и въ окнѣ одного изъ вагоновъ онъ все еще видѣлъ хорошенькую русую головку, съ темно-сѣрыми глазами, и до слуха его долетали нѣжныя, многообѣщающія слова:

«Такъ, не правда-ли, до скораго свиданія?»

И вдругъ предъ нимъ неожиданно предсталъ другой образъ, такой-же прекрасный, смотрящій на него съ нѣмымъ укоромъ...

Въ послѣднее время Михаилъ Ѳедоровичъ совсѣмъ и думать пересталъ о своей Фелѣ, которая очень безпокоилась и волновалась, не получая отъ него отвѣта на цѣлыхъ три письма, наполненныхъ тѣмъ невиннымъ и безсодержательнымъ лепетомъ, на который только и способна влюбленная женщина. Онъ только теперь вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ и порывисто бросился къ письменному столу, чтобы успокоить бѣдную сергіевскую отшельницу и сообщить ей о своемъ здоровьѣ. Но мысли его плохо укладывались на бумагу, и онъ рѣшилъ отложить писаніе письма до болѣе благопріятнаго случая... Кромѣ того, онъ чувствовалъ, что если-бы письмо было имъ написано сегодня, то въ немъ накопилась-бы такая масса лжи и обмана, что для Фели, съ ея чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ, мгновенно стало-бы яснымъ то, въ чемъ онъ боялся даже сознаться самому себѣ...

Тутъ Михаилъ Ѳедоровичъ вспомнилъ Тоню, вспомнилъ, что она просила его писать ей о своемъ житьѣ-бытьѣ и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, насколько должно показаться страннымъ письмо, написанное вслѣдъ уходящему поѣзду, снова взялся за перо.

На этотъ разъ письмо не нуждалось ни въ какой корректурѣ, хотя Михаилъ Ѳедоровичъ мелкимъ, убористымъ почеркомъ исписалъ цѣлый листъ почтовой бумаги.

Въ тотъ-же вечеръ письмо было отослано съ нарочнымъ на почту, а Феликсѣ Казиміровнѣ пришлось еще нѣсколько дней томиться въ неизвѣстности. Впрочемъ, то, о чемъ онъ писалъ ей, такъ мало походило на его прежнія задушевныя бесѣды на разстояніи болѣе тысячи верстъ, что сердце балетной звѣздочки почуяло что-то недоброе и болѣзненно сжалось.

— Онъ меня больше не любитъ,—тихо прошептала Феля, складывая письмо, и глаза ея затуманились слезами.

И, какъ-бы сочувствуя ея грустному настроенію, въ это время плакала и природа: за окномъ моросилъ мелкій осенній дождикъ и холодный вѣтеръ срывалъ съ унылыхъ березъ ихъ пожелтѣвшіе листья и сметалъ ихъ въ кучи. По Петергофскому шоссе тянулись возы, перевозившіе обратно въ городъ мебель и пожитки окрестныхъ дачниковъ, и надъ всей этой невеселой картиной свинцовымъ пологомъ нависло сѣрое сѣверное небо.

Тяжело дышалось въ такую мрачную погоду, всякому хотѣлось тепла и свѣта, но на душѣ у Феликсы Казиміровны было еще мрачнѣе: она чувствовала, что надъ нею сгущаются еще болѣе тяжелыя тучи, что то счастье, которымъ она наслаждалась послѣдніе годы, исчезаетъ, какъ утренній туманъ при солнечномъ восходѣ.

«Да, все это время я, дѣйствительно, была въ какомъ-то туманѣ, но какую тяжелую будущность освѣтитъ мнѣ восходящее солнце?»—грустно подумала Феликса Казиміровна и еще разъ взглянула на лежавшее на ея колѣнахъ письмо.

IV.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Михаилъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь, какъ уже извѣстно, послѣдовала развязка романа, начавшагося въ далекомъ Крутогорскомъ уѣздѣ, подъ сѣнью вѣковыхъ деревьевъ стараго парка.

Но прежде, нежели приступить къ рѣшительному шагу, Гулевичъ рѣшился откровенно высказаться предъ своей Фелей, которая, сверхъ всякихъ ожиданій, довольно хладнокровно отнеслась къ его предполагаемой женитьбѣ.

— Все равно—рано или поздно, но я должна была ожидать подобнаго печальнаго конца,—сказала она съ грустной улыбкой.

— Повѣрь, что мы на всю жизнь останемся добрыми друзьями и я всегда готовъ придти къ тебѣ на помощь,—началъ было Михаилъ Ѳедоровичъ, но Феля остановила его движеніемъ руки:

— Довольно, довольно! Ни въ какую дружбу между мужчиной и женщиной я не вѣрю, такъ какъ даже сама любовь основана на взаимной ненависти двухъ половъ. Всегда одинъ властвуетъ, другой—подчиняется! Что же касается до предложенной помощи, то мнѣ, право, кажется, что я не заслужила подобнаго оскорбленія.

Михаилъ Ѳедоровичъ сталъ ей горячо на это возражать, доказывая, что ничего обиднаго въ его словахъ нѣтъ, что она даже имѣетъ полное право не только требовать отъ него обезпеченія, но даже и большаго, что она можетъ сказать одно только слово, и предполагаемый бракъ разстроится.

— Это для чего? — широко раскрыла Феля свои и безъ того большіе глаза.

— Какъ порядочный человѣкъ, я долженъ жениться на тебѣ.

— Благодарю покорно! Ужъ не хотите-ли вы заодно поступить въ балетные статисты?

Феля совершенно спокойно, не волнуясь, перешла на «вы» и въ дальнѣйшемъ разговорѣ, когда Михаилъ Ѳедоровичъ сталъ продолжать говорить ей «ты», она каждый разъ тихо останавливала его:

— Къ чему эти нѣжности, когда между нами все кончено?

И, въ концѣ концовъ, Гулевичъ, въ свою очередь, началъ говорить ей «вы».

Оба почувствовали, что между ними порвалось что-то такое, что было дорого имъ обоимъ, но что вернуться къ прежней жизни уже невозможно.

Отъ Кочковской Михаилъ Ѳедоровичъ поѣхалъ прямо къ Липецкимъ и, сидя у Тони, въ ея уютномъ будуарѣ, совершенно забылъ только что происшедшій разговоръ съ Фелей, забылъ ея грустные глаза и помнилъ только одно, что онъ свободенъ, такъ какъ она сама сказала ему, что между ними все кончено.

Послѣднее сознаніе и близость любимой дѣвушки до того отуманили его голову, что онъ самъ хорошенько не помнилъ, какъ сорвалось у него роковое признаніе и какъ Тоня вдругъ заплакала и выбѣжала изъ комнаты.

Онъ остался одинъ въ ея будуарѣ и не могъ еще собраться съ мыслями, какъ въ дверяхъ снова появилась Тоня, но уже спокойная и улыбающаяся:

— Михаилъ Ѳедоровичъ,—тихо проговорила она:—извините, что я васъ оставила, но, право, если я вдругъ и заплакала, то это были счастливыя слезы. Зачѣмъ вамъ знать теперь мой отвѣтъ, когда я, какъ вы видите, сама вернулась къ вамъ...

И она протянула Гулевичу свои руки, и онъ ихъ покрылъ безчисленными поцѣлуями.

Это случилось какъ разъ наканунѣ Новаго тысяча девятьсотъ четвертаго года и старики Липецкіе сочли, что вновь нарождающійся годъ не могъ придумать для нихъ лучшій подарокъ.

Собравшіеся у нихъ для встрѣчи Новаго года гости—кто искренне, кто просто ради приличія—раздѣляли радость хозяевъ.

Разъѣхались довольно поздно, но вернувшійся къ себѣ въ гостиную Гулевичъ долго еще не могъ уснуть, шагая взадъ и впередъ по своему номеру и строя воздушные замки, на которые такъ способны всѣ влюбленные, не желающіе никогда встрѣчаться съ дѣйствительностью.

Михаилъ Ѳедоровичъ сознавалъ, что сдѣлалъ самый важный шагъ въ своей жизни, что отношенія его къ Кочковской съ этого дня будутъ носить исключительно только дружескій характеръ; что-же касалось до Тони, то онъ былъ твердо убѣжденъ, что сумѣетъ сдѣлать ее счастливой.

Тонѣ тоже не спалось въ эту ночь, но она ни о чемъ особенномъ не думала: она просто чувствовала себя счастливой отъ сознанія, что она любитъ и любима.

И какъ неожиданно произошло ихъ объясненіе, а, между тѣмъ, если-бы оно въ этотъ день не состоялось, она была-бы очень огорчена.

Съ самаго пріѣзда Михаила Ѳедоровича она была такъ нервно настроена и все чего-то ждала. И вотъ что-то совершилось: она объявлена невѣстой человѣка, котораго давно уже отличила въ толпѣ своихъ поклонниковъ.

Теперь Тоня была готова задушить въ объятіяхъ своихъ стариковъ, которые тоже такъ тепло и сердечно относятся къ ея Мишелю. Да и они-ли одни? Всѣ гости такъ радостно поздравляли жениха и невѣсту, такъ чистосердечно желали имъ всего лучшаго!..

Только Тонѣ показалось, что ея кузина Мэри Прибыльская, была недовольна ихъ помолвкой...

Впрочемъ, смѣшно придавать этому какое-нибудь особенное значеніе и лучше думать, что это ей, дѣйствительно, только показалось.

Правда, Мэри Прибыльская знала Михаила Ѳедоровича еще во время его службы въ полку и, какъ говорятъ, немного съ нимъ кокетничала. Но съ кѣмъ она не кокетничаетъ? Говорятъ еще, что ея мужу даже нравится, когда вокругъ его жены увивается молодежь: онъ ихъ сравниваетъ съ мотыльками, которые кружатся вокругъ огня для того только, чтобы опалить себѣ крылья... А, между тѣмъ...

Но здѣсь нить мышленій въ головѣ Тони порвалась и она сладко заснула.

V.

Тоня очень ошибалась, думая, что ея кузина только просто кокетничала съ Гулевичемъ, какъ и съ другими «мотыльками», имѣвшими въ перспективѣ только—возможность лишиться своихъ крыльевъ. Марья Григорьевна Прибыльская когда-то не на шутку увлеклась Михаиломъ Ѳедоровичемъ, когда онъ былъ еще блестящимъ гвардейцемъ, и неизвѣстно, чѣмъ-бы завершился начавшійся между ними флиртъ, если-бы на сцену не явилась Феня Кочковская.

Никогда послѣ этого Марья Григорьевна не могла простить ему этой «измѣны»—и благо было-бы, если-бы онъ промѣнялъ ее на какую-нибудь княгиню Софи или графиню Лили, а тутъ вдругъ счастливой соперницей у нея оказалась какая-то балетная танцовщица!

Какъ мужчины склонны увлекаться порокомъ, когда онъ появляется на театральныхъ подмосткахъ!

И, придя къ такому выводу, Марья Григорьевна отъ души возненавидѣла несчастную Феликсу Казиміровну, которую только и видѣла со сцены.

Но какимъ образомъ она узнала о завязавшемся между свѣтскимъ львомъ и балетной звѣздочкой романѣ? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ супругъ ея былъ завзятый балетоманъ и не замедлилъ сообщить своей супругѣ свѣжую новость въ довольно своеобразной формѣ:

— Не сумѣла ты, Мэри, удержать при себѣ самаго занятнаго мотылька.

— Это кого? — спросила Марья Григорьевна, давно уже привыкшая къ подобнымъ шуточкамъ своего превосходительнаго супруга.

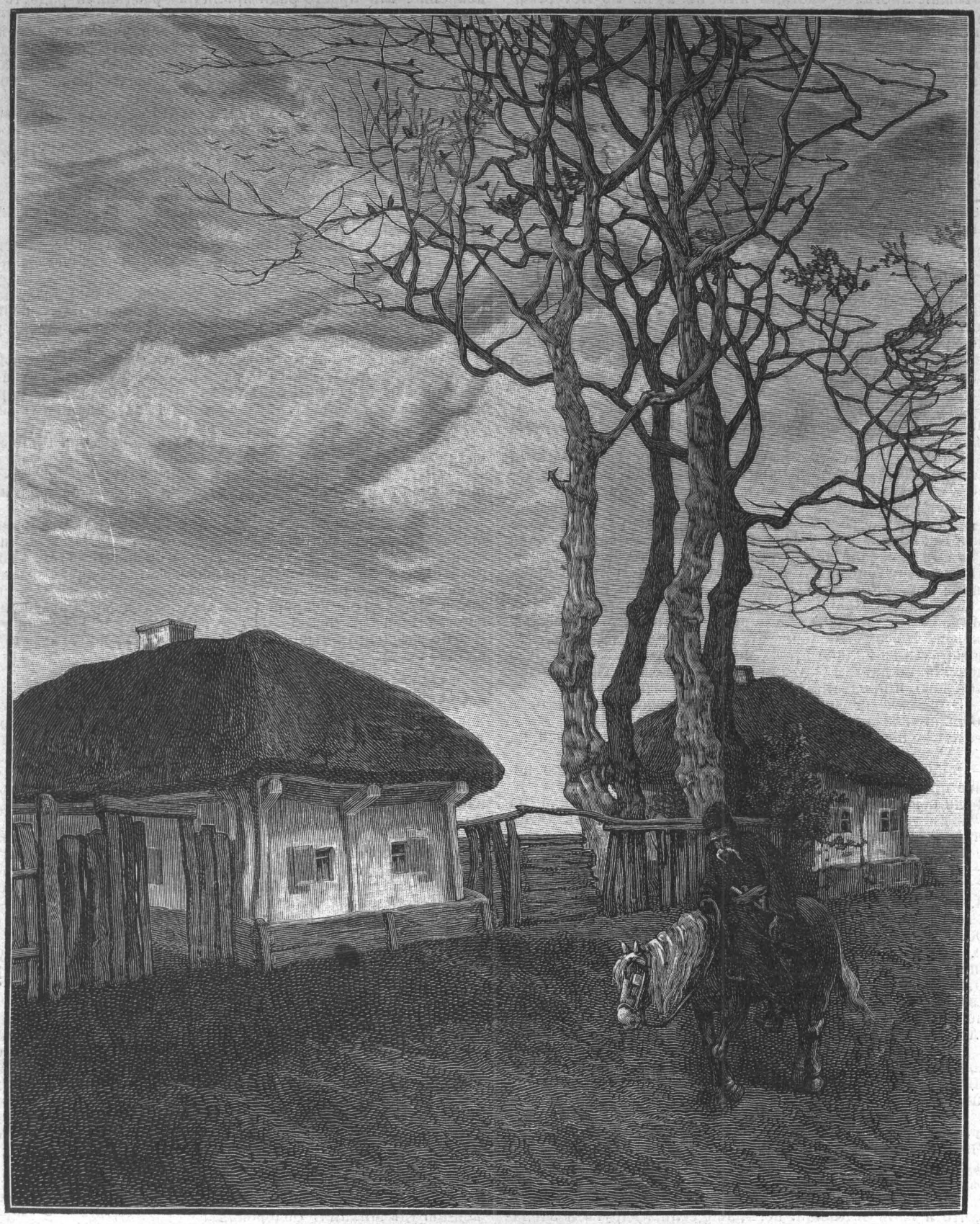
— Да Михаила Ѳедоровича.

— Гулевича?

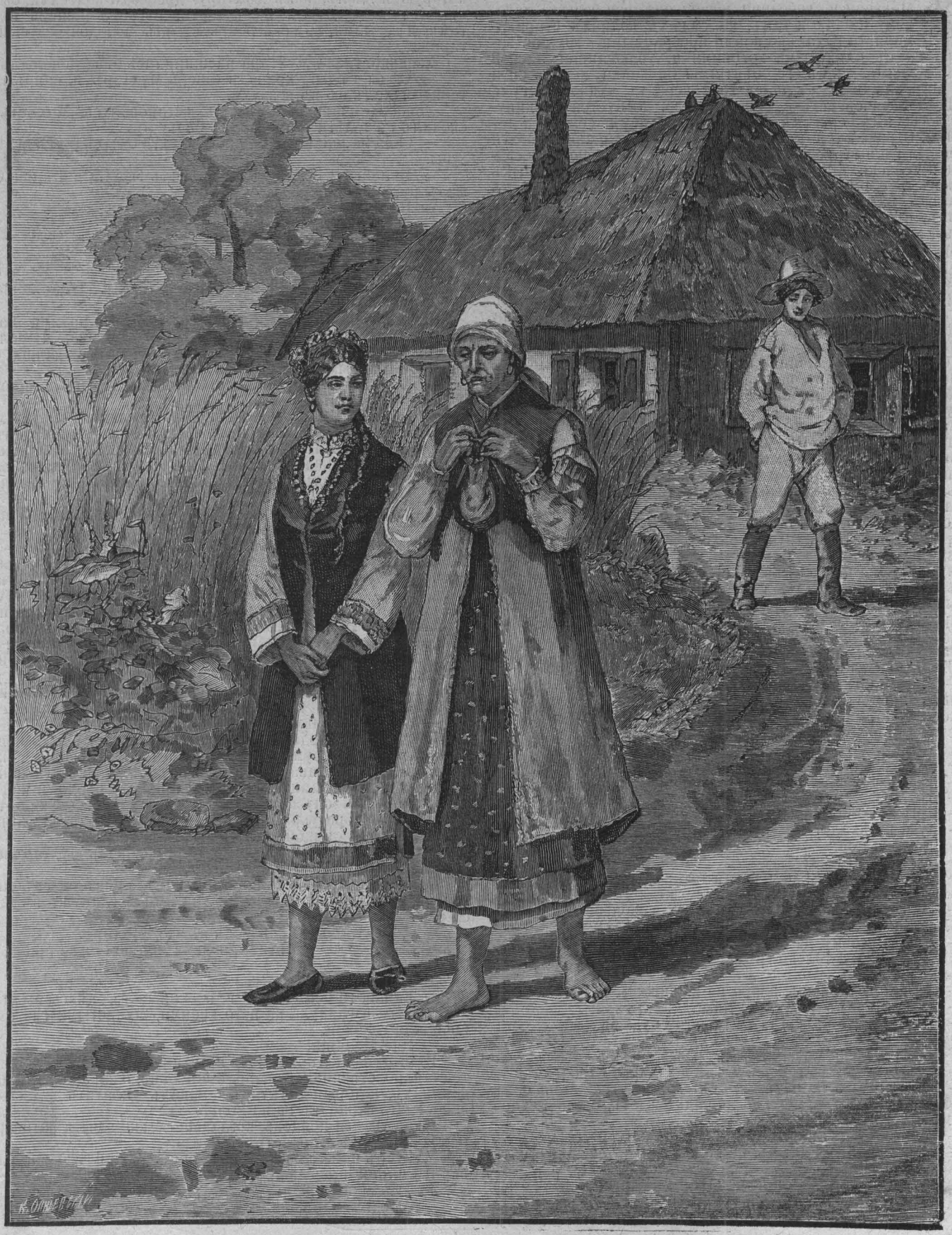
— А развѣ у тебя въ числѣ поклонниковъ есть еще какой-нибудь Михаилъ Ѳедоровичъ?

— Нѣтъ, но... вообще мнѣ надоѣли ваши постоянныя остроты, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ очень мало остроумнаго!

(Продолженіе будетъ.)



СЪ ЗАПОРОЖЬЯ. Съ картины **В. И. Зарубина** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**



БАБУШКИНЫ СОВѢТЫ. Ориг. рисун. **Г. Бролинга;** грав. для „Родины“ **К. Ольшевскій.**

МУХТАРЪ.

Набросокъ **Ив. Епифанова**

По широкому приволью течетъ красавица Волга. Могучая и свободная, несетъ она свои воды къ далекому Каспію и тамъ, на сѣдыхъ волнахъ старика-моря, отдыхаетъ своими прозрачными струями, заигрываетъ съ пѣнистыми гребнями и, убаюканная лаской старика, засыпаетъ въ его объятіяхъ. Спокойно несетъ свои воды широкая Волга съ далекаго сѣвера къ чудному югу и, пробѣгая тысячеверстное пространство, любуется раскинутыми по обоимъ берегамъ городами, посадами, селами и деревнями. Отражаются въ чистыхъ водахъ красавицы Волги золоченыя главы городскихъ соборовъ, зеленые куполы посадскихъ и сельскихъ церквей, скромные кресты прибрежныхъ часовенъ и соломенныя крыши деревенскихъ избъ. Какъ въ зеркалѣ, отражаетъ все это Волга въ своихъ прозрачныхъ струяхъ, съ тихимъ рокотомъ набѣгающихъ на отлогій покрытый камышемъ берегъ или ласково обливающихъ крутизну горы. А кругомъ тишь и безконечная гладь широкой лентой протянувшейся Волги. Всколыхнетъ порой водную грудь пароходъ своими колесами, встрепенется Волга, зашумитъ и широкимъ размахомъ посылаетъ свои волны къ тихимъ берегамъ. Ударятся тѣ о берегъ, съ шумомъ вползутъ на песчаныя отмели и, съ рокотомъ отойдя, снова вливаются въ разбуженную красавицу рѣку. И снова тишь. Медленно плыветъ бѣляна, еще медленнѣе плывутъ плоты да, не нарушая тишины, подъ легкимъ парусомъ скользитъ косовая. Гдѣ-то далеко за островомъ дымитъ пароходъ и оттуда доносится его гулкій свистъ.

На одной изъ косовыхъ, на которыхъ рѣдко бываетъ больше трехъ человѣкъ судовщиковъ, считая въ томъ числѣ и хозяина небольшого суденышка, на кормѣ у руля сидѣлъ смуглый, почти черный отъ загара, человѣкъ. Небольшая клочьями бородка, раскосые глаза, бритая голова съ надѣтой на затылокъ тюбитейкой, волосатая грудь, виднѣвшаяся изъ-за растегнутаго ворота бѣлой когда-то рубахи,—давали понятіе, что это—татаринъ. Онъ ловко управлялъ косовой, поворачивая парусъ то въ ту, то въ другую сторону, смотря по тихому вѣтру, который еле надувалъ полотнища паруса. Глаза татарина съ грустью смотрѣли на разстилавшіеся пока пустынные берега, на которыхъ вдали виднѣлась деревушка.

Кромѣ рулевого-татарина, на косовой было еще двое людей, безмятежно дремавшихъ въ тѣни паруса.

Косовая, медленно подвигаясь впередъ, поравнялась съ одной изъ деревень. Глаза татарина стали еще грустнѣе.

— Ванъ Ванычъ! а, Ванъ Ванычъ!—произнесъ онъ, наклонившись впередъ.

Чернобородый, въ красной кумачевой рубашкѣ, мужчина привсталъ и, почесываясь, сонными глазами оглянулся кругомъ.

— Фу! А важно поспалъ! А-а-ахъ!

— Ванъ Ванычъ,—повторилъ татаринъ.

— Что тебѣ, Мухтаръ?

— Пріѣхала моя, Ванъ Ванычъ.

— Куда пріѣхала?

— Деревня моя.

— Ну, такъ что-же?

— Пускать хотѣлъ! до деревни татаръ, жинка видать...

— Э, братъ, я и забылъ.

— Зачимъ забывать, помнить надо!—укоризненно заговорилъ Мухтаръ,—я письмомъ писалъ, жина ждетъ.

— А вотъ возьму, да и не пущу!

— Твоя дѣла, а только грѣхъ.

— Какой?

— Обманомъ живешь, добра не наживешь.

— Ахъ, Мухтаръ, Мухтаръ! Пожалуй, правда!

— Живи правдой, всегда съ деньгой будешь.

— Ну?

— Повѣрь, душа мой, татаринъ не вретъ.

— Ахъ, ты, бритая голова! А гдѣ деревня-то твоя?

— А вотъ, Ванъ Ванычъ, за этой версты три, дальше, въ поле. Махметка, братъ, меня на лошадкѣ ждетъ, очинно скоро доѣдемъ и назадъ.

— Только, братъ, надолго я не пущу тебя.

— Не надо, Ванъ Ванычъ, не надо долга, къ вечеру опять здѣсь будымъ.

— Ну, шутъ съ тобой, поворачивай къ берегу.

— Ай, спасибо, ай, большое спасибо!—затараторилъ Мухтаръ и ловкимъ поворотомъ руля направилъ косовую къ берегу.

Не прошло и пяти минутъ, какъ суденышко врѣзалось въ песчаный берегъ, парусъ безпомощно заколыхался и Мухтаръ привычной рукой свернулъ его около мачты.

— Пойду я, Ванъ Ванычъ.

— Иди, иди, только, братъ, чтобы къ вечеру здѣсь быть.

— Будемъ, не безпокойся!

Мухтаръ спрыгнулъ на берегъ и быстрой походкой пошелъ къ деревнѣ, расположенной на невысокомъ косогорѣ. Скоро его широкая, коренастая фигура скрылась за избами.

— Мухтарка, Мухтарка! — услышалъ онъ съ площади, на которую вышелъ, и къ Мухтару, дребезжа колесами, быстро приблизилась телѣга, на которой, погоняя лошадь и кнутомъ, и возжами, во весь ростъ стоялъ молодой безусый татаринъ.

Узенькіе глаза Мухтара расширились отъ удовольствія.

— Сюды, сюды!—кричалъ теперь Мухтаръ и, снявъ тюбетейку, махалъ ею въ воздухѣ.

Лошадь, мчавшаяся вскачь, остановилась. Махметъ соскочилъ съ телѣги и протянулъ брату руку.

— Сала малейкюмъ*),—проговорилъ онъ, скаля свои бѣлые зубы.

— Малейкюмъ сала**), — отвѣтилъ Мухтаръ и крѣпко пожалъ руку брата.

— Надолго?— спросилъ тотъ.

— До вечера.

— Мала-мала!

— Не пускаетъ дольше.

— Ну, да ладно. Садись!

Мухтаръ и Махметъ сѣли въ телѣгу и сытая лошадка бодро двинулась въ путь.

Выѣхали за околицу и дорога потянулась полями. Разноцвѣтнымъ ковромъ раскинулись тѣ и направо, и налѣво, ползли по косогору, спускались въ лощины и скрывались, сливаясь съ голубымъ прозрачнымъ небомъ.

— Хорошо-то!—шепталъ Мухтаръ, жадно вдыхая ароматъ полей,—ахъ, какъ хорошо!

— Правда, Мухтаръ, хорошо, больно якши! — и Махметъ закрутилъ головой и хлестнулъ лошадь. — Скоро пріѣдемъ, — говорилъ онъ,—вонъ уже и наша деревня видна... Видишь?

Мухтаръ приподнялся на телѣгѣ и съ нетерпѣніемъ всматривался въ тесовыя крыши домовъ, мелькавшія среди зелени деревьевъ.

Махметъ, въѣхавъ въ селеніе, сразу остановилъ лошадь около одной изъ избъ и сказалъ:

— Тпру! Пріѣхали! Вылѣзай!

Мухтаръ, какъ мячикъ, выскочилъ изъ телѣги и почти бѣгомъ взошелъ на знакомое крыльцо, прошелъ сѣни и очутился въ довольно обширной комнатѣ, сплошь заставленной по стѣнамъ широкими нарами, на которыхъ лежали пуховики и подушки, покрытые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коврами. Гладко выструганныя стѣны были чисто вымыты, полъ также. Наверху на полкахъ блестѣли ярко начищенные два самовара и нѣсколько мѣдныхъ кувшиновъ и чашекъ.

Весело осмотрѣлъ Мухтаръ свою избу и, не видя никого, громко крикнулъ:

— Зюльма, Зюльма!

Изъ-за перегородки вышла молодая татарка. Блѣдное, съ чуть замѣтнымъ румянцемъ лицо оттѣняли черные, какъ смоль, волосы, выбивавшіеся изъ-подъ шапочки, унизанной мелкими серебряными монетами. Старинные рубли и полтинники гирляндой спускались надъ ушами. Нѣсколько нитокъ такого-же серебра украшали грудь Зюльмы, одѣтой въ полосатый костюмъ съ накинутымъ на плечи кафтаномъ.

— Саума, катенъ***)!—радостно произнесъ Мухтаръ и обнялъ свою Зюльму.

Она, хрупкая и тонкая, какъ птичка, прижалась къ широкой груди Мухтара и ясными глазами взглянула въ глаза своего мужа.

— Сауме ****)? — произнесъ нѣжно Мухтаръ.

— Сау *****)! — отвѣтила Зюльма и еще ближе прижалась къ Мухтару.

Тотъ поцѣловалъ ее.

— Башка га боръ ме ******)?—спросилъ, смѣясь, Мухтаръ.

Зюльма взглянула на него своими лучистыми глазами и покачала головой.

— Якши! Якши!

Въ избу вошелъ Махметъ и потянулась бесѣда, хорошая, теплая, родственная. Говорили о посѣвѣ, о заработкахъ, о недоимкахъ, которыя Мухтаръ обѣщалъ уплатить изъ своихъ денегъ, что заработаетъ на Волгѣ.

Было уже за полдень, когда Махметъ, досыта наговорившись, отправился посмотрѣть скотину.

Мухтаръ и Зюльма остались одни. Тихо и любовно разговаривали они, прерывая разговоръ поцѣлуями.

— Ты скоро уѣдешь, Мухтаръ?

— Сегодня, мое солнце.

---

*) Здравствуй!
**) Здравствуй!
***) Здравствуй, жена!
****) Здорова-ли?
*****) Здорова.
******) Не измѣняла-ли мнѣ?

— Жалко! — глаза Зюльмы затуманились. — За камма *)? — спросила Зюльма.

— Егъ айга **)!

Зюльма покачала головой и слезы выступили у нея на глазахъ...

Вернулся Махметъ и скалалъ:

— Ну, Мухтаръ, пора. Лошадь запряжена.

— Зюльма, савбулъ ***)!

— Савбулъ!

И снова Зюльма припала къ широкой груди Мухтара и заплакала.

— Ну, савбулъ, савбулъ! — лепеталъ Мухтаръ и, усадивъ жену, какъ ребенка, на подушки, быстро вышелъ изъ комнаты.

Слышитъ Зюльма скрипъ колесъ, слышитъ ржаніе лошади, слышитъ понукиваніе Махмета и сердце Зюльмы сжимается тоскливо-тоскливо.

Мухтаръ вернулся во-время. Косовая была уже готова къ отходу и плавно качалась на сѣрыхъ водахъ кормилицы Волги.

— Вотъ и я, Ванъ Ванычъ! — кричалъ съ берега Мухтаръ.

— Молодца, Мухтарка, молодца! Ай-да по водѣ, тутъ неглубоко!

Мухтаръ увѣренно шагнулъ въ тихія волны и, по-колѣно въ водѣ добравшись до косовой, взлѣзъ на нее.

— Ну что, всѣхъ повидалъ?

— Всѣхъ, Ванъ Ванычъ.

— Жалко, поди, разставаться-то было?

Мухтаръ промолчалъ.

— Поднимай парусъ.

Привычной рукой вздернулъ Мухтаръ рею съ парусомъ, и косовая, направленная Иваномъ Ивановичемъ, медленно повернулась.

Вѣтеръ надулъ парусъ, и суденышко помчалось по глади водъ къ широкому Каспію.

Иванъ Ивановичъ молчалъ. Молчалъ и Мухтаръ, вспоминая свою родную деревню, свою Зюльму и ея лучистые глаза, съ такой любовью смотрѣвшіе на его загорѣлое лицо.

А косовая плыла.

КОНЕЦЪ.

*) Надолго?
**) Мѣсяца на три.
***) Прощай, Зюльма!

Ручей.

Въ сыпучихъ пескахъ, между горъ и холмовъ,
Высокихъ, угрюмыхъ лѣсовъ, тростниковъ,
Блестя серебристою струйкой своей,
Веселый и бодрый рокочетъ ручей.
На небѣ темно, — ходятъ тучи кругомъ,
Зигзагами молніи блещутъ съ небесъ;
Порывистый шквалъ, оглушительный громъ
И ропщетъ угрюмый, таинственный лѣсъ.

А ключъ говорливый рокочетъ, поетъ,
Стремится, веселый, въ безвѣстную даль...
Онъ будто-бы знаетъ, что тамъ его ждетъ
Широкаго моря огнистая сталь;
Что нѣжно раскроетъ объятья волна
И приметъ съ любовью журчащій ручей...
И будутъ надъ ними покой, тишина,
И небо все въ блескѣ веселыхъ лучей.

С. Цвѣтковъ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

I.

СНѢГЪ валилъ густыми хлопьями и покрывалъ улицы и бульвары небольшого областного городка жидкой грязью.

Было пустынно и уныло; въ такую погоду южане не имѣютъ обыкновенія выходить на улицу и большинство сидитъ дома, дрожа отъ сырого холода въ плохо приспособленныхъ къ зимнему времени квартирахъ.

Большіе платаны, тянущіеся по обѣимъ сторонамъ Николаевскаго бульвара, упирающагося однимъ концомъ въ вокзалъ желѣзной дороги, а другимъ — въ почтовую станцію, стояли хмуро, низко повѣсивъ намокшія вѣтви, обнаженныя отъ листвы и отяжелѣвшія отъ обременявшаго ихъ снѣга.

Снѣгъ таялъ, не доходя до земли, и превращался въ холодный дождь, образовавшій на бульварахъ лужи.

Бульваръ прерывался въ центрѣ города площадью, на которой высилось зданіе театра — лишенное архитектурныхъ линій и похожее на ящикъ изъ-подъ сигаръ.

Рядомъ съ театромъ — такой-же ящикъ, только значительно больше — зданіе городского общественнаго собранія, попросту — клубъ, а въ просторѣчіи областныхъ обитателей — „усыпальница“.

Въ этой усыпальницѣ въ будніе дни граждане обыкновенно играли въ карты, а въ болѣе торжественные — во флиртъ съ мѣстными дамами подъ звуки военнаго оркестра, что на клубскомъ оффиціальномъ языкѣ называлось „музыкальными вечерами“.

Зданіе клуба въ этотъ ненастный зимній вечеръ свѣтилось огнями и манило къ себѣ, какъ обширный и теплый оазисъ, среди промозглой пустыни большой площади.

Черезъ эту площадь по направленію къ собранію пробиралось нѣсколько человѣкъ, завсегдатаевъ клуба. Это — не тѣ завсегдатаи, которые бываютъ въ столичныхъ учрежденіяхъ этого рода или въ клубахъ большихъ губернскихъ городовъ и посѣщаютъ ихъ исключительно ради карточной игры. Въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ есть цѣлый циклъ людей — холостыхъ офицеровъ, чиновниковъ, думскихъ дѣятелей, скромныхъ адвокатиковъ, для которыхъ клубъ является своего рода „home“, гдѣ они обѣдаютъ, читаютъ журналы и газеты, пишутъ письма, словомъ, проводятъ большую часть дня и вечера, не желая или не имѣя возможности имѣть дома тотъ quasi комофортъ, который предоставляетъ имъ городское общественное собраніе за небольшой членскій взносъ.

— Здравствуйте, Иванъ Петровичъ, — окликнулъ впереди идущаго офицера гражданскій инженеръ въ форменной шинели.

Офицеръ, въ довольно поношенномъ пальто и глубокихъ резиновыхъ галошахъ, отъ неожиданности ступилъ въ лужу, и струи грязи окатили его до колѣнъ.

Онъ обернулся на окликъ.

— А... — хмуро протянулъ онъ. — Матвѣю Семеновичу...

— Въ клубъ?

— А то куда-же?

— И я... Всѣ тамъ будемъ!

Инженеръ ухмыльнулся, догналъ офицера и пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Д-да! — послѣ нѣкотораго молчанія началъ ин-

женеръ, искоса поглядывая на офицера.—„Посмотри, какъ все кругомъ печально и уныло, какъ-будто наступаетъ Страшный судъ“,—продекламировалъ онъ.—Такъ говоритъ Отелло Дездемонѣ.

Офицеръ повелъ плечомъ, какъ-будто желая стряхнуть съ себя назойливую муху, и спокойно поправилъ:

— Гамлетъ.

Инженеръ вытаращилъ глаза и изобразилъ оторопѣлый видъ.

— Что—Гамлетъ?

— Это говоритъ Гамлетъ, а не Отелло.

— А! Неужели?.. Ну, по обыкновенію, спуталъ. Литература, да еще иностранная, предметъ не обязательный для инженера. Что вы говорите?

— Я? Ничего.

— Обычно презрительное молчаніе, гм!.. Но что могли-бы вы сказать, если-бы захотѣли удостоить столь ничтожнаго человѣка разговоромъ?

— Если инженеръ—не только инженеръ, а еще и образованный человѣкъ, то литература, „хотя-бы и иностранная“, для него обязательна.

— Какъ и для офицера?

— Какъ и для образованнаго офицера.

— Тэкъ-съ. Стало быть, я—человѣкъ необразованный, хотите вы сказать?

— Это вы, очевидно, хотите говорить; я-же ничего не хочу ни говорить, ни сказать.

— Почему такое презрительное равнодушіе?

Разговоръ инженера дѣйствовалъ на Ивана Петровича всегда особенно удручающимъ образомъ. Въ словахъ инженера постоянно звучала какъ-бы насмѣшка, какъ-бы желаніе вызвать человѣка на ссору. Иванъ Петровичъ терпѣть не могъ это, какъ терпѣть не могъ и пустые, безцѣльные разговоры.

— Почему такое презрительное равнодушіе?—повторилъ вопросъ инженеръ.

Они въ это время входили уже въ обширный вестибюль клуба.

Швейцаръ, въ лоснящихся на колѣнахъ брюкахъ и длинномъ черномъ сюртукѣ, похожій, со своими черными усами, больше на члена бюро похоронныхъ процессій, чѣмъ на швейцара, привѣтливо-угрюмо встрѣтилъ инженера и холодно-угрюмо офицера.

Съ перваго онъ кинулся немедленно стаскивать шинель, въ то время какъ второй самъ снималъ свое пальто.

— Наши здѣсь?—спросилъ инженеръ.

— Дожидаютъ-съ, Матвѣй Семеновичъ.

— Чудесно, пусть дожидаютъ, а я еще пообѣдаю.

— Извѣстно, безъ обѣда невозможно. Подождутъ.

— Ты говоришь, какъ мудрецъ, Прохоръ Игнатьичъ. Сколько ты лѣтъ при клубѣ?

— Двадцать третій съ хвостикомъ, Матвѣй Семеновичъ.

— Тэкъ-съ... Черезъ два года съ хвостикомъ, стало быть, будемъ праздновать юбилей.

Прохоръ Игнатьичъ не обратилъ никакого вниманія на офицера, который самъ повѣсилъ свое пальто.

— Возьмите галоши!—рѣзко обратился къ нему Иванъ Петровичъ.—Въ прошлый разъ перепутали.

Прохоръ Игнатьичъ угрюмо ухмыльнулся.

— Извѣстно, случается, когда музыкальные вечера или балъ. Ничего мудренаго. Я одинъ; за всѣмъ не услѣдишь.

Инженеръ и офицеръ поднялись по лѣстницѣ, прошли корридоръ и вошли въ столовую.

Столовая была большая, узкая и длинная комната, уставленная столами, накрытыми не особенно изящными приборами.

Лакеи были тоже въ не особенно изящныхъ фракахъ, но все-таки во фракахъ.

— Ахъ, и вы тоже обѣдать?—спохватился Матвѣй Семеновичъ, когда увидалъ, что Иванъ Петровичъ подошелъ къ столу и подозвалъ лакея.—Ну, такъ и я съ вами. Терпѣть не могу ѣсть одинъ. Разрѣшаете?

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Иванъ Петровичъ и подумалъ: „чтобъ чертъ тебя побралъ!“.

Обѣденное меню было несложное, такъ сказать, штатное клубное: супъ „пейзанъ“, „тефтели по-гречески“, осетрина на шкарѣ и желе.

— Это опять—„пейзанъ“?—спросилъ Матвѣй Семеновичъ у лакея, наливая себѣ супъ.

— Такъ точно-съ, „пейзанъ“,—успокоительно отвѣтилъ тотъ.

— Ахъ, чтобъ васъ... и съ экономомъ! И со старшинами! Я, братецъ, буду жаловаться. Кто сегодня дежурный старшина. Гм?

— Николай Сергѣевичъ,—отвѣтилъ, усмѣхаясь, лакей.

— Чего рожи строишь? Слатинъ?

— Они-съ.

— Вашъ командиръ,—обратившись къ офицеру, сказалъ инженеръ.—Ну, къ этому не стоитъ. Все равно, ничего не сдѣлаетъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ, „пейзанъ“! А потомъ—тефтели?

— По-гречески-съ.

— Ну, натурально. Чтобъ васъ черти взяли, право! Изобрѣтательности въ васъ нѣтъ, выдумки! Понимаешь?

— Такъ точно-съ.

— Врешь, ничего не понимаешь! Если-бы понималъ, сказалъ-бы повару тамъ или экономy, что-ли: что это, вы все душите членовъ своимъ „пейзаномъ“? Мало-ли есть на свѣтѣ суповъ? Бискъ, à la reine, бычачьи хвосты, пюре, à la тортю... почемъ я знаю?.. Ну, ладно, давай свои тефтели.

Лакей умчался въ буфетъ.

— Кто тамъ ругается?—спросилъ буфетчикъ.

— Извѣстно, Матвѣй Семеновичъ.

— А! Ну, этотъ всегда. Ничего. Съѣстъ! Господинъ хорошій. А съ нимъ кто?

— Кедринскій.

— За нимъ около четвертной долга. Напомни!

— Слушаюсь, Захаръ Егорычъ. Двѣ тефтелей!

— Получай. Да ты, слышь, смотри, не грубо какъ-нибудь и не при комъ-либо.

— Ну... учите! Знаемъ порядки, не первый годъ.

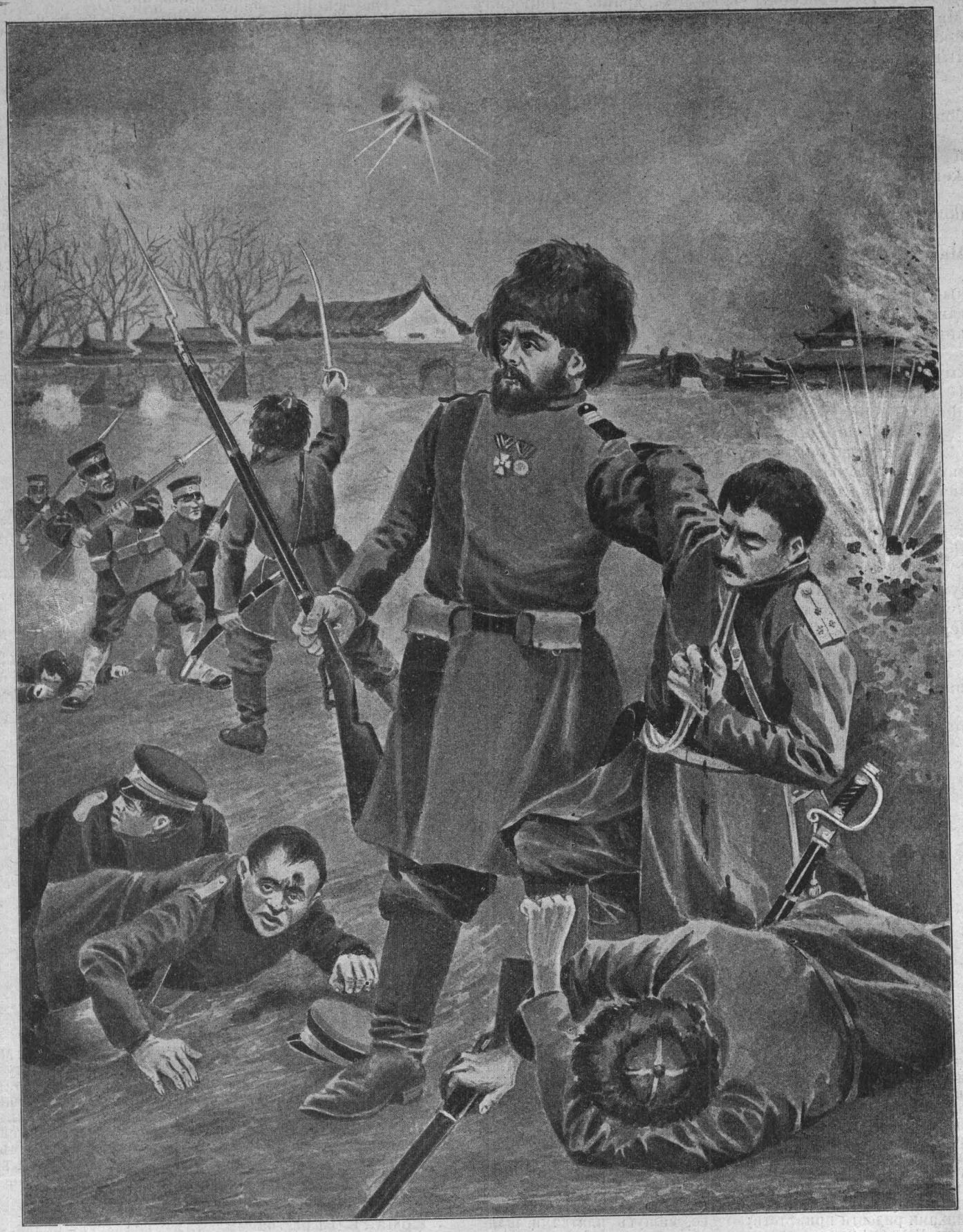
И онъ помчался съ новымъ блюдомъ.

Инженеръ поковырялъ вилкой въ какіе-то лежавшіе въ крышкѣ кастрюльки катышки, обильно политые густымъ краснымъ соусомъ.

— Заклюй васъ тарантулъ или сколопендра!—проворчалъ онъ.—Надѣлаютъ эдакихъ шариковъ изъ объѣдковъ съ чужихъ тарелокъ, обольютъ все это томатами и воображаютъ, что это „по-гречески“. Врешь, братъ! Въ Греціи я не бывалъ, но увѣренъ, что ничего греческаго въ вашей стряпнѣ нѣтъ. Это развѣ à la греческая кухмистерская въ Петербургѣ. А греки, братецъ ты мой, были люди съ классическимъ образованіемъ и съ художественнымъ вкусомъ. Понялъ?

— Такъ точно...

— Врешь, ничего не понялъ! Убери эту гнусность и дай мнѣ просто бифштексъ... да не „биштекъ“, а настоящій, добрый, натуральный бифштексъ, и къ нему сою. Понялъ?



ЗАЩИТА РАНЕНАГО КОМАНДИРА. Оригин. рис. **П. Е. Никитина.**

— Такъ точно. Минутъ десять обождать придется.

— Обожду.

Лакей исчезъ.

— А вы способны ѣсть эту дрянь? — спросилъ Матвѣй Семеновичъ у Ивана Петровича, который сосредоточенно вылавливалъ изъ красной жижи катышки мяса и проглатывалъ ихъ, какъ устрицы.

— Какъ видите.

— Что-же, вамъ это нравится? Я думалъ у васъ болѣе изящный вкусъ, судя...

Онъ вдругъ сдѣлалъ видъ, что прикусилъ языкъ, и замолчалъ, придавъ лицу таинственное выраженіе.

— Судя? — грозно спросилъ Иванъ Петровичъ, положивъ вилку на столъ. — Судя по чему?

„Ну, братъ, меня не испугаешь“, — подумалъ Матвѣй Семеновичъ и спокойно отвѣтилъ:

— Да такъ, по всему. Вы — офицеръ, образованный человѣкъ. У образованнаго человѣка и образованный вкусъ: ему не можетъ нравиться клубная пища.

— Я — не инженеръ, — сказалъ все съ тѣмъ-же хмурымъ видомъ Иванъ Петровичъ, положивъ салфетку на столъ, — а потому придаю мало значенія пищѣ и вообще чревоугодію.

Матвѣй Семеновичъ хихикнулъ.

Онъ всегда радовался, когда ему удавалось „вскипятить“ человѣка, и онъ видѣлъ, что Иванъ Петровичъ недалекъ уже отъ точки кипѣнія.

— Почему вы полагаете, что чревоугодіе — одно изъ типичныхъ свойствъ инженерной профессіи? — спросилъ онъ.

— Да ни по чему. Я мало знаю инженеровъ и сужу по васъ. Вы всегда такъ заботитесь о столѣ. Я не знаю, можетъ быть, вы и есть типичный инженеръ и таково свойство ихъ всѣхъ.

— Ошибаетесь, другъ мой...

„Какой я тебѣ другъ“, — подумалъ Иванъ Петровичъ и съежился.

Матвѣй Семеновичъ понялъ, что офицеру не понравилась эта фамильярность, а потому повторилъ ее.

— Другъ мой! Инженеры, какъ офицеры, бываютъ разныхъ калибровъ и колоритовъ. Напримѣръ, вы — офицеръ. Но вы — не типичный офицеръ.

— Нисколько и не претендую...

— Вы — скорѣе философъ или поэтъ, и притомъ философъ-пессимистъ à la Шопенгауэръ и поэтъ-меланхоликъ à la... вотъ ужъ и не придумаю à la кто? Опять еще, пожалуй, уличите меня въ незнакомствѣ съ литературой. Изъ какой подошвы это сдѣлано? — обратился онъ къ лакею, подавшему ему бифштексъ. — Можетъ быть, у сапожника Израилевича брали? Такъ напрасно... у него отвратительный товаръ и его подошвы не годятся даже на бифштексъ. Видишь? — онъ ткнулъ вилкой въ круглый кусокъ мяса и попилилъ его безрезультатно ножомъ. — Скажи своему буфетчику, что на ближайшемъ собраніи я подыму вопросъ о передачѣ клубнаго буфета въ другія руки. Убери! И давай... что тамъ такое? Осетрина? Ну, ладно, давай осетрину — ужъ это-то, по крайней мѣрѣ, трудно испортить даже вашему повару. Русскій?

— Чего это-съ?

— Поваръ-то русскій, говорю?

— Такъ точно-съ. Изъ московскаго ресторана.

— И глупо. Ежели его не удержали въ Москвѣ, стало быть, дрянь. Возьмите имеретина. Они — мастера.

Лакей ушелъ за осетриной.

— Такъ о чемъ мы говорили? — обратился Матвѣй Семеновичъ къ офицеру.

Тотъ нетерпѣливо дернулъ головой.

— Начали, кажется, съ поэзіи, а кончили осетриной. Я не знаю. Меня это мало интересуетъ.

— Что именно? Поэзія или осетрина?

— И то, и другое.

— Гм! А что-же васъ интересуетъ?

— Вы любопытны, какъ женщина.

— Знаете что? — началъ Матвѣй Семеновичъ, нисколько не смущаясь. — Мнѣ кажется, вы влюблены.

Что-то шевельнулось въ лицѣ Ивана Петровича и онъ хотѣлъ отвѣтить рѣзкостью, но сдержался и ничего не сказалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ жизни.

Правда — солнце, кто не знаетъ?
Эта истина стара...
Солнце день намъ освѣщаетъ;
Съ нимъ счастливая пора.

То-же солнце — правда въ свѣтѣ;
И она на міръ людской
Льетъ лучи и въ полусвѣтѣ
Раскрываетъ зло порой.

П. А. Лебединскій.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

На скачкахъ. Послѣдній кругъ. (Къ рис. на стр. 925.) Скакуны уже прошли почти всю дистанцію, осталась лишь незначительная часть послѣдняго круга. Вотъ они уже скачутъ мимо трибунъ, а за ними тотчасъ и судейская бесѣдка, и призовой столбъ. Кто-то первымъ? Нѣкоторыя лошади поотстали, но два жокея борются изъ-за приза, который должна получить прежде другихъ пришедшая лошадь. Жокеи энергично работаютъ хлыстами и скакуны мчатся, мчатся во весь опоръ къ столбу, конечной цѣли скачки. Напряженіе публики доведено до высшей точки. Люди, поставившіе пари на лошадь, которая идетъ впереди и, видимо, болѣе свободно, чѣмъ соперница, кликами радости привѣтствуютъ ее, машутъ платками, шляпами. Еще-бы! Эта послѣдняя сотня саженъ предъ столбомъ нѣкоторымъ изъ публики дастъ хорошій кушъ денегъ, и дастъ именно тѣмъ, которые угадали призера и поставили за него пари.

Удачная покупка. (Къ рис. на стр. 935.) Въ нѣкоторыхъ городахъ и даже селахъ устраиваются конскія ярмарки. Масса поселянъ съѣзжается на эти торжища — одни, чтобы купить, другіе — продать лишнюю животину. Большею частью на такихъ ярмаркахъ барышничаютъ цыгане. На рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 935 настоящаго номера журнала, изображенъ одинъ изъ «дѣтей степи», сдѣлавшій удачную покупку пріобрѣтеніемъ сиваго и вороного коней и теперь гарцующій на одномъ изъ нихъ, торопясь въ свой таборъ, чтобы тамъ еще болѣе выхолить купленныхъ лошадей и въ слѣдующую ярмарку въ другой мѣстности перепродать ихъ съ барышомъ.

Ермакъ. (Къ рис. на стр. 937.) Кто не знаетъ Ермака, этого сына свободныхъ и привольныхъ донскихъ степей, бывшаго атаманомъ разбойничьей шайки, а затѣмъ предводителемъ удальцовъ, подарившихъ Русь Сибирскимъ царствомъ? Безстрашный, смѣлый, гордый Ермакъ съ небольшою горстью людей завоевалъ огромное пространство земель, за что и было прощено ему прежнее разбойничество царемъ Іоанномъ Гроз-

нымъ, подарившимъ Ермаку шубу со своего плеча и чеканной работы тяжелую броню. Эта-то броня и погубила героя. Во время одного изъ боевъ съ сибирскимъ царемъ Кучумомъ Ермакъ, окруженный безчисленнымъ врагомъ, былъ принужденъ отступить; спасаясь отъ преслѣдованія, онъ бросился въ Иртышъ и утонулъ въ этой рѣкѣ изъ-за тяжелыхъ доспѣховъ.

Съ запорожья. (Къ рис. на стр. 943.) Молодымъ парнемъ отправился казакъ на широкій Днѣпръ, къ вольнымъ запорожцамъ, въ ихъ Сѣчу, расположенную у пороговъ рѣки. Побывалъ онъ съ сѣчевиками и въ Туречинѣ, и у крымскаго хана, рубился съ венгерцами и поляками. Такъ прошло много лѣтъ. Наступила старость. Пропала былая удаль, запорожца потянуло въ родныя мѣста, туда, гдѣ среди вишневыхъ кустовъ, подъ стройными тополями бѣлѣютъ мирныя мазанки малороссійскихъ хуторовъ. Пріѣхалъ запорожецъ на свое старое пепелище и не можетъ узнать родныя мѣста. Въ теченіе многихъ лѣтъ многое измѣнилось въ родной деревнѣ, но сердце старика все-же радуется,—радуется тому, что онъ снова увидѣлъ родные поля и сады.

Бабушкины совѣты. (Къ рис. на стр. 945.) Много лѣтъ прожила на бѣломъ свѣтѣ старуха, всего переиспытала въ своей жизни; видала она и радости, перенесла горе и вотъ теперь, умудренная опытомъ, даетъ совѣты своей внучкѣ. Тихо, плавно льется рѣчь бабушки; вдумчиво прислушивается къ ней внучка и ея молодая головка не сочувствуетъ многимъ словамъ бабушки, дѣвичье сердце, какъ птичка въ клѣткѣ, бьется шибко-шибко, но внучка все-же понимаетъ, что бабушкины совѣты принесутъ ей пользу въ жизни. Правда, можетъ быть, дѣвушка и не выполнитъ всѣхъ совѣтовъ, но тѣ, которые будутъ исполнены, скрасятъ ея дѣвичью жизнь.

Защита раненаго командира. (Къ рис. на стр. 953.) Врагъ наступаетъ. Безчисленныя колонны его войскъ, какъ муравьи, ползутъ по сопкамъ, идутъ по долинѣ, съ цѣлью окружить небольшой русскій отрядъ. Уже пало много сѣрыхъ героевъ, но, пока былъ цѣлъ командиръ, солдаты дрались, какъ львы. Но вотъ шальная пуля ранитъ командира въ грудь. Обезсилѣлъ онъ, но все еще держится на ногахъ при помощи браваго солдата. А врагъ наступаетъ и наступаетъ. Отрядъ рѣдѣетъ; однако, оставшаяся горсть солдатъ дорого продаетъ свою жизнь и жизнь раненаго командира, котораго они защищаютъ своею грудью.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 30-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**: **Весенній захватъ.** Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.)—**Послѣдняя встрѣча.** Разсказъ изъ русско-японской войны М. Ѳ. Караулова. — **Мухтаръ.** Набросокъ Ив. Епифанова. — **Ручей.** Стих. С. Цвѣткова. — **Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. — **Изъ жизни.** Стих. П. А. Лебединскаго.— **Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** На скачкахъ. Послѣдній кругъ. Ориг. рис. В. Зауерлендера. — Удачная покупка. Съ карт. проф. К. Вирушъ-Ковальскаго. — Ермакъ. Ориг. рис. П. Селиванова. — Съ запорожья. Съ карт. В. И. Зарубина. — Бабушкины совѣты. Ориг. рис. Г. Бролинга. — Защита раненаго командира. Ориг. рис. П. Е. Никитина.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Мышенокъ. (Правдивая исторія одной любви.) Маркъ-Мана. — Лотерейный билетъ. (1 рис.) — Приключеніе въ пути. (4 рис.) — Выгоднѣе. (1 рис.)—Современные супруги. (1 рис.) — Мозаика. — Ребусъ № 7. — Магическій квадратъ № 9. — Шарада № 27. — Логогрифъ № 44. — Энстихозъ № 4. — Географическая задача № 22. — Перестановка буквъ № 23. — Магическій крестъ № 13. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 28.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. „Броненосецъ „Орелъ“ и гибель броненосца „Адмиралъ-Ушаковъ“. (Съ 2 рис.) — Шталмейстеръ П. В. Родзянко и его летучій санитарный отрядъ. (Съ рис. и портр.)—Полковая церковь. (Съ 1 рис.)—Ген.-лейт. Ѳ. Ѳ. Палицынъ. (Съ порт.)—Братаніе англійскихъ моряковъ съ французами въ Брестѣ. (Съ 1 рис.)—Риккардо Сакко, голодающій человѣкъ. (Съ 1 рис.) — Графъ П. П. Шуваловъ. (Съ портр. и рисун.) — Е. Н. Жулева. (Съ портр.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

НАСТОЯЩІЙ МАЙСКІЙ БАЛЬЗАМЪ.

Въ С.-Петербургѣ, у **Обухова моста**, продолжается продажа, которая переведена напротивъ, въ собственный домъ, **Обуховъ мостъ**, 111—15, кв. 12, **исключительно** у Елены Яковлевны Коростовцевой, по мужу гр. Сечени. Высылка налож. плат. Цѣна банки съ пересылкой 1 р. 40 к., 12 бан. —12 р., 6 бан. — 6 р., мал.—50 к., 1 банк.—1 р. 25 к., 10 бан. — 8 р. 95 к. 371

ТРЕБУЙТЕ И УБѢЖДАЙТЕСЬ!! Только за 3 руб. 75 коп. 6 цѣнныхъ вещей.

Кто желаетъ имѣть дѣйствительно прочные, вѣрные часы и недорого, тотъ пусть выпишетъ изъ нашего склада часы черные, ворон. стали, мужскіе, открытые, анкеръ (а не цилиндръ), съ вѣрнымъ и звучнымъ ходомъ, заводъ безъ ключа; 2) цѣпь шатленъ никкелев. изящной работы; 3) брелокъ такого-же металла; 4) портсигаръ никкелев. изящной работы; 5) карманный ножикъ заграничной работы; 6) предохранитель часовъ отъ порчи. Всѣ эти вещи высылаются, вмѣсто 8 р. 25 к., всего только за 3 руб. 75 коп. Пересылка за счетъ заказчика. Часы высылаются вывѣренные до минуты, съ ручательствомъ на 6 лѣтъ, по полученіи заказа налож. платеж. безъ задатка. Адресовать: Экспортному дому Т-во „Діана“, Варшава, 1097-а. 336

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ

французской Оружейной Мануфактуры — совершеннѣйшее карманное оружіе.

ПИСТОЛЕТЪ ГОЛЮА, автоматическій пяти-зарядный, калибръ 8 мм. чрезвычайно точнаго и сильнаго боя, плоскій, толщина $1^1/_2$ длина 13 сантиметр., вѣсъ немного болѣе $^1/_2$ фунта. Въ карманѣ лежитъ какъ портъ-табакъ, безопасенъ въ обращеніи. Кромѣ боевыхъ, имѣются патроны освѣтительные—ночью первымъ выстрѣломъ можно освѣтить противника и моментально пускать пули. Цѣна пистолета 17 руб. 50 коп.; такой же гравированный 22 руб. Патроны 25 штукъ 1 руб. 40 коп.

ВЫСЫЛАЕТЪ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ ТОВАРИЩЕСТВА

при журналѣ „ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“ МОСКВА, ПЕТРОВКА, ДОМЪ ХОМЯКОВА.

Тамъ-же имѣются дешевыя ружья центр. огня, по прочности и бою признанныя лучшими въ мірѣ—въ 38 р. 55 р. и 65 р., Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Всемірно-популярная настоящ. патент. американская машинка для стрижки волосъ и бороды, съ приспособленіями для стрижки 3-хъ размѣровъ, необходима въ каждомъ домѣ не только для экономіи, но и для гигіены. **Цѣна доступна каждому — всего 4 р. 50 к. съ пересылкой.**

Важно для бреющихся!

Пріобрѣтайте по весьма дешевой цѣнѣ новоизобрѣтенную высококачественную **„безопасную“ бритву**, которой каждый можетъ брить самого себя смѣло и очень легко, **безъ всякой для себя опасности**, и гарантировать себя отъ столь частыхъ зараженій въ парикмахерскихъ, сокративъ при этомъ значительно свои расходы. Высылаемъ **немедленно** по полученіи заказа **только за 3 руб. съ пересылкою.**

Адресовать: г. Варшава, **„Варшавскій Базаръ“, „Т-ву Любовь“, во 2-ую контору—3.** 348

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

Сгущенное • МОЛОКО НЕСТЛЕ!

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

GRANDPRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 364

Пров. КИНУНЕНА. **ЭЛЕОПАТЪ.**

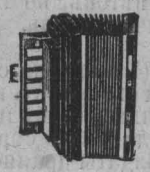
СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО **Молодости** А. СІУ и К° МОСКВА. 20 коп. кус.

Вѣчная чудо-кухня „Микро“.

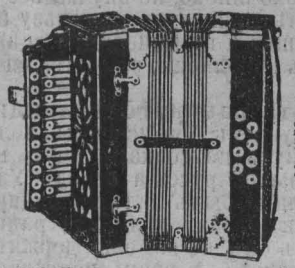
Патентъ № 24.888. Весьма оригинальный и практичный новоизобрѣтенный приборъ содержитъ слѣдующіе предметы: 1) Аппаратъ-кухню съ сухою вѣчно не портящеюся массою, благодаря которой аппаратъ-кухня моментально зажигается и горитъ сильнымъ пламенемъ безъ копоти и дурного запаха; горѣніе 1 коп. въ часъ, абсолютно безопасно. 2) Изящная кастрюлька съ ручкой, африк. серебра-аллюминія. 3) Такая-же сковородка. 4) Практичный кофейникъ. 5) Ложка-чайникъ накладн. серебра. Кухня-чудо необходима каждому семейному и холостому. Гг. офицерамъ незамѣнима въ походѣ. Кухня-чудо, благодаря своему складному прибору, служитъ настоящей дорожной практичной кухней. Цѣна всему аппарату съ приборомъ 2 р. 50 к., пересылка — 45 к., въ Аз. Росс.—55 к. Адресъ фабр.: **Т-во Эрія и К-о**, Варшава, Кармелитская 24-3. Къ каждому аппарату прилагается легкій способъ приготовленія баттареи къ горѣнію. 392.

ЛУЧШІЯ ГАРМОНІИ

Невскія

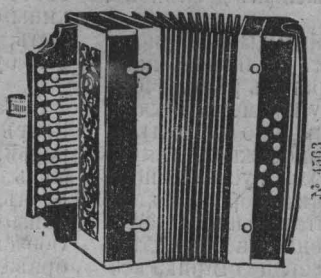


№ 3592. Трехголосная, съ тремя басами, мѣдныя планки и серебряные голоса, вышина 4¼ вершка . . . . 4 руб.
№ 3594. Двухголосная съ двумя басами и 1 духовымъ клапаномъ, серебряные голоса, прочной изящной работы, вышина 3⅞ вершка. . . 5 руб.
№ 3596. Со стальными голосами, лучшій сортъ— 7 руб. 50 коп.



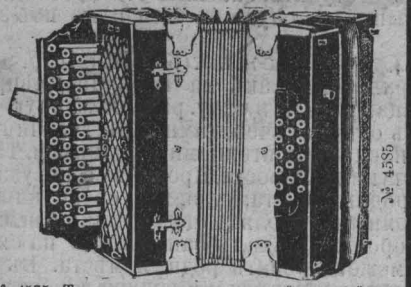
№ 4553

№ 4558. Двухрядная, очень хорошей русской работы, двухголосная, о 21 клапанѣ и 8 басахъ, мѣдныя планки, серебряные голоса; углы мѣха обложены металломъ, корпусъ палисандроваго дерева съ инкрустаціей, вышина 7¼ вершковъ. . . . 18 руб.
№ 4555. Такая же, мѣдные голоса, корпусъ орѣховаго дерева . 15 руб.
№ 4559. Какъ № 4555, съ 12 басами и серебряные голоса . . . 18 руб.



№ 4563

№ 4560. Двухголосная, о 10-ти басахъ, мѣдныя планки и серебряные голоса; углы мѣха обложены металломъ, корпусъ палисандроваго дерева съ инкрустаціей, вышина 7¼ вершковъ . . . . . 20 руб.
№ 4561. Такая же со стальн. голос. 25 р.
№ 4563. Корпусъ подъ черное дерево 30 р.
№ 4570. Трехголосная, о 12 басахъ, мѣдныя планки и стальные голоса, корпусъ подъ черное дерево, вышина 7½ вершк. 35 руб.



№ 4585

№ 4575. Трехрядная, очень хорошей русской работы, двухголосная, о 31 клапанѣ и 16 басахъ, мѣдныя планки и серебряные голоса; углы мѣха и корпуса обложены металломъ, корпусъ палисандроваго дерева съ инкрустаціей, выш. 7¾ вершка. 35 руб.
№ 4580. Трехрядная, о 34 клапанахъ, 18-ти басахъ, мѣдныя планки, стальные голоса, корпусъ подъ черное дерево, очень прочный мѣхъ, съ металлическими углами, вышина 7½ вершковъ. 50 руб.
№ 4585. Такая же о 36 клапанахъ, корпусъ палисандроваго дерева . . . . . 60 руб.

Кромѣ помѣщенныхъ въ семъ, имѣю большой выборъ нѣмецкихъ гармоній извѣстной фабрики **І. Ф. КАЛЬБЕ**, а также Итальянокъ, Ливенокъ, Азіатскихъ, Роялльныхъ и Вятскихъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Самоучители для однорядной и двухрядной гармоніи по 1 руб., для трехрядной — по 75 коп.

Въ заказъ слѣдуетъ упомянуть, нѣмецкаго или русскаго строя желательна гармонія, могу доставить того и другого строя.

По полученіи задатка, ⅓ стоимости заказа, требуемое высылаю съ наложеннымъ платежомъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. — **Москва,** Кузнецкій Мостъ. — **Рига,** Купеческая, 9.

ГИГІЕНИЧНО, экономично и пріятно. Машинки для стрижки бороды въ 2 50 к., 3 р., 4 р. 4 руб. 75 коп. Каждый можетъ стричь самъ своихъ дѣтей! Болѣе 15.000.000 шт. въ употреб.

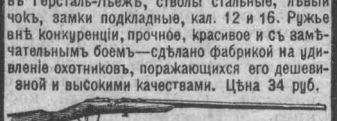
Машинки для стрижки волосъ въ 3 номера каждая, въ 3 р., 3 р. 75 к., 4 р. 25 к. и 5 р. 50 к. высылаетъ налож. платежомъ при полученіи 1 р. задатка оптово-розничный складъ **ЛЕОНАРДИ,** Пассажъ, 53, СПБ. Фирма существуетъ съ 1867 года. 376

ПАРИЖСКІЯ РЕЗИНОВЫЯ НОВОСТИ. 609

7 образц.—1 р. 05 к.; 12 за 1 р. 90 к.; 20 за 4 р. 35 к. Тутъ включены перес., упаковка и **пошлина.** Прейсъ-курантъ безплатно. Амалія Фрелихъ, гор. Ранси при Парижѣ, улица Викторъ Гюго, № 40, кв. 9.

Ружье „ПРИМА“

Новѣйшее двухств. ружье центр. боя, затворъ тройной всемірно извѣстной фабрики оружія въ Герсталь-Льежѣ, стволы стальные, лѣвый чокъ, замки подкладные, кал. 12 и 16. Ружье внѣ конкуренціи, прочное, красивое и съ замѣчательнымъ боемъ—сдѣлано фабрикой на удивленіе охотниковъ, поражающихся его дешевизной и высокими качествами. Цѣна 34 руб.



ВИНТОВКА СИСТ. ВИНЧЕСТЕРА, кал. 22, замѣчательное оружіе для охоты на крупн. птицу и мелкаго звѣря. Бой феноменальный: на 100 шаговъ пули ложатся въ 1 вершковый кругъ. Цѣна всего 12 руб. Патроны съ бездымн. порохомъ 3 р. за 100 шт.; то же, комнатные, за 250 шт. 1 р. 75 к.

Заказы исполн. наложенн. платежомъ оружейный магазинъ **А. В. ТАРНОПОЛЬСКАГО,** МОСКВА. Б. ЛУБЯНКА, № 3.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

въ С.-Петербургѣ, учр. въ 1881 г.

Наличные капиталы свыше 56.000.000 р.

Общество заключаетъ страхованія

ЖИЗНИ:

капиталовъ и доходовъ для обезпеченія будущности семьи и старости (застрахованные капиталы къ 1-му января 1905 г.: 170.330.000 руб.);

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ:

коллективныя страхованія рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и заводахъ, страхованія отдѣльныхъ лицъ, страхованія пассажировъ

ОТЪ ОГНЯ

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода;

ТРАНСПОРТОВЪ

морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ и корпусовъ судовъ;

СТЕКОЛЪ и ЗЕРКАЛЪ

всякаго рода и сорта отъ излома и разбитія.

Капиталы и вознагражденія,

уплаченныя Обществомъ со времени его учрежденія:

133.441.000 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и **всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи, въ **С.-Петербургѣ (Морская, собств. д., № 37)**, въ **Отдѣленіяхъ** и **Агентствахъ** Общества въ городахъ Имперіи. **Страховые билеты по страхованію пассажировъ** отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также **на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.** 370

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ *Парижѣ 1900 г.*

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 22. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

ОХОТНИКИ ПРОЧТИТЕ!

Дробометы Браун. — 90 р. Пулеметы Рота — 220 р. Пулем. Винчестера—50 р. Карабины „Сибирякъ“—20 р. Маг. без. кур. „Савачъ“—62 р. Пистолеты Браунинга—19 р. Америк. рев. „Защитникъ“—8 р. Ружья Имп. тул. завода по завод. цѣнѣ и ВСѢХЪ первокласс. заграничн. фабрикъ. Роскошно иллюстриров. расцѣнку 1905-6 года безплатно высылаетъ

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ

А. БИТКОВА.

Москва, Большая Лубянка, № 20

Мыло **КАКТУСЪ** И. КУПЧИНСКАГО.

2847

Паразиты (вши у людей) со всѣми зародышами, гдѣ бы они не появились, совершенно уничтожаются мыломъ Кактусъ. Требовать на кускѣ свид. № 2847. Продается вездѣ. Высылает. не мен. 4 к. за 1 р. перес. нал. плат. Москва, П. ВИНОГРАДОВЪ, Рождественка, д. № 2.

Дозволено цензурою. Спб., 16-го іюля 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал redukrofer rutracker.org